

ТАЙНЫ СПЕЦСЛУЖБ

Н. М. ГОЛУШКО

В СПЕЦСЛУЖБАХ ТРЕХ ГОСУДАРСТВ

Тайны спецслужб

Николай Голушко

В спецслужбах трех государств

Издательство «Кучково поле»

2012

Голушко Н. М.

В спецслужбах трех государств / Н. М. Голушко — Издательство
«Кучково поле», 2012 — (Тайны спецслужб)

ISBN 978-5-9950-0214-7

Книга Н.М.Голушко – это воспоминания и свидетельства сотрудника органов государственной безопасности, прошедшего путь от рядового оперативного работника до председателя КГБ Украинской ССР, члена Коллегии КГБ СССР, министра безопасности, затем директора Федеральной службы контрразведки РФ и стоявшего у истоков образования самостоятельных национальных спецслужб России и Украины после развала СССР. В рамках разумного и дозволенного профессиональной этикой и конспирацией автор анализирует судьбоносные события общественно-политической жизни страны: разрушение Советского Союза, деяния ГКЧП, ликвидацию КГБ СССР, непримиримое противостояние президентской и парламентской ветвей власти, драматические события октября 1993 года и т. д. Трагические судьбы спецслужб, условия, в которые они были поставлены временем и законом, до сего времени изучены и описаны мало. Автор позволяет читателю сформировать свою точку зрения относительно имиджа чекистов исходя из реалий той обстановки, в которой им приходилось действовать. Книга будет интересна новому поколению сотрудников органов безопасности и широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-9950-0214-7

© Голушко Н. М., 2012

© Издательство «Кучково поле», 2012

Содержание

От автора	6
Часть первая	10
Глава первая	10
Глава вторая	14
Глава третья	18
Часть вторая	24
Глава первая	24
Глава вторая	38
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Николай Михайлович Голушко

В спецслужбах трех государств

Я всей душой стремлюсь к тому, чтобы не было на свете несправедливости, преступления, пьянства, разврата, излишеств, чрезмерной роскоши, публичных домов, чтобы не было угнетения, братоубийственных войн, национальной вражды... Я хотел бы обнять своей любовью все человечество, согреть его и очистить от грязи современной жизни.

Феликс Дзержинский

Мы чуть было не перегнули палку. Ведь в их истории (ВЧК – КГБ) не только черные периоды, но и славные страницы, которыми мы действительно можем гордиться.

Борис Ельцин, 1997 г.

СССР был тоталитарной империей, причем империей в высшей степени жесткой. Для ее осуществления был необходим стержень, который бы держал все остальное – политику, экономику, армию, образование и прочие пласты жизнеобеспечения общества. И таким стержнем у нас была КПСС. Ну, вы-то можете мне поверить на слово, я это знаю лучше, чем кто-либо, каким магнетизмом обладала компартия в нашей державе! Всё вращалось вокруг, и никакое там КГБ само по себе погоды не делало.

Леонид Кравчук, 1994 г.

Служба безопасности Украины. Не знаю, где найти мягкие слова для ее адекватной оценки. Когда я первый раз победил на президентских выборах (1994), у меня была только идея, но очень понятная идея: отпустить весь ее оперативный состав. Всех – в отставку! Все 100 процентов.

...Если бы все сложилось так, что я приступил бы к реализации своей первоначальной «конструкторской идеи», это была бы самоубийственная попытка.

Леонид Кучма, 2007 г.

От автора

Сколько моих мыслей действительно моих? Сколько их возникло из фактов или из чтения? Сколько из них воспоминаний прочитанного или слышанного, прозвучавшего иначе, чем у других, в моей думе?

Академик Владимир Вернадский

Желание сесть за письменный стол и заняться непривычным для меня делом весьма естественно. Большинство людей по вполне понятным причинам хотят рассказать о пережитом вместе со страной, о героическом и трагическом времени, собственной судьбе, успехах и ошибках на пути преодоления трудностей. А главное – о прекрасных людях, которые окружали их и о ком необходимо поведать в знак благодарности за поддержку в сложных и противоречивых жизненных ситуациях, поскольку возникают нравственные обязательства перед памятью о них. И я тоже в своей книге называю дорогих мне людей.

Волею судьбы у меня появились стремление и свободное время, чтобы выполнить свой долг перед людьми, которым я обязан своим становлением. Но главным является то, что меня продолжают волновать те важные и печальные события, которые пришлось пережить моему поколению на историческом изломе – крушении великого Советского Союза, нашей Родины.

Предлагаемое повествование – это личное свидетельство работника органов государственной безопасности, размышления о прошувшем надо мной времени. Моя биография – это жизненный путь от рядового оперативного работника до председателя Комитета госбезопасности Украинской ССР, члена

Коллегии КГБ СССР. В поворотном 1991 году я исполнял обязанности руководителя Службы национальной безопасности (СНБУ) уже самостоятельного украинского государства, а в 1993–1994 годах работал в должности министра безопасности, затем директора Федеральной службы контрразведки (ФСК) Российской Федерации. После развала Союза эти страны вступили на новый путь своего исторического развития. Естественно, что с укреплением их государственности становились на крыло и самостоятельные национальные спецслужбы. В постсоветский период я оказался в числе непосредственных участников создания новых спецслужб двух независимых государств – Украины и России. Я доволен, что довелось быть у истоков их образования, разработки правовых путей организации и совершенствования работы в начальные годы.

Ответственная деятельность в системе государственной безопасности Советского Союза, нелегкая обязанность народного депутата СССР позволили мне стать обладателем информации, не всегда известной и доступной для широких слоев общественности. С позиций сотрудника КГБ я хочу проанализировать (безусловно, в рамках разумного и дозволенного профессиональной этикой и конспирацией) драматические и судьбоносные события общественно-политической жизни страны, среди которых: разрушение СССР и как следствие ликвидация КГБ; строительство новых спецслужб Украины и России; трагические последствия деяний Государственной комиссии по чрезвычайному положению (ГКЧП); руководство спецслужбой Украины при двусмысленном «сидении» Президента Михаила Сергеевича Горбачева в Форосе в августе 1991 года; тяжелые дни октября 1993 года, завершившиеся расстрелом российского парламента.

Почти пять лет моей жизни (1987–1991) были отданы руководству органами государственной безопасности Украинской ССР. Мне кажется, что читателю будет интересно и небесполезно познакомиться со спецификой работы республиканского КГБ – этой закрытой силовой структуры в годы перестройки и гласности, «демократических реформ» Горбачева, когда происходили бурные, совершенно непредсказуемые в социалистическом государстве обще-

ственно-политические и экономические процессы, приведшие в результате к самостоятельности и государственной независимости всех союзных республик.

Резкое изменение государственного строя, строительство новых властных организаций России и Украины, в том числе создание спецслужб, вне сомнения, повлияло на логику человеческих судеб: моя профессиональная деятельность и большинства моих коллег неожиданно высветилась в свете крутых исторических перемен. Я вспоминаю, как в последние годы советской власти каждый день передо мною возникала суровая, живая и огнедышащая действительность. Судите сами: две знаковые фигуры, мои прежние непосредственные руководители Владимир Крючков – председатель КГБ СССР и Виктор Баранников – министр безопасности России, оказались в называемые демократическими горбачевские и ельцинские времена в тюремных камерах.

В 1991 году в стране были арестованы высшие должностные лица: вице-президент СССР Геннадий Янаев; председатель Верховного совета СССР Анатолий Лукьянов, благословивший меня на работу на Украине; секретарь ЦК КПСС Олег Шенин, с которым мы в одни годы учились в вузах Томска; крупный ученый, организатор и руководитель ВПК (военно-промышленного комплекса) Олег Бакланов; министр обороны Маршал Советского Союза Дмитрий Язов; командующий Сухопутными войсками генерал армии Валентин Варенников, Герой Советского Союза. В 1993 году при Ельцине оказались арестованными вице-президент России Герой Советского Союза Александр Руцкой, председатель Верховного совета России Руслан Хасбулатов. Коллегия КГБ СССР по воле Горбачева оказалась разгромленной и разогнанной; после ГКЧП вместе с Крючковым были арестованы его первый заместитель генерал-полковник Виктор Грушко, крупный советский разведчик; начальник 9-го управления КГБ СССР (охрана высших должностных лиц) генерал-лейтенант Юрий Плеханов и его заместитель генерал-майор Валентин Генералов. В отношении всех остальных членов Коллегии КГБ СССР велось уголовное расследование.

Я назвал имена только тех влиятельных должностных лиц, с кем в какой-то степени меня сводили служебные обязанности.

Хотя многие из них оказались по разным сторонам баррикад, на противостоящих идеологических позициях, но все они, несомненно, настоящие патриоты нашей страны. Судьба каждого из таких людей (в стране их оказалось очень много) – это трагедия всего нашего народа, сродни массовым репрессиям предшествующих поколений. Мне посчастливилось работать вместе с видными государственно-партийными деятелями, чьи фамилии вошли в отечественную историю: Виктор Михайлович Чебриков, Владимир Васильевич Щербицкий, Владимир Антонович Ивашко, Леонид Макарович Кравчук, Борис Николаевич Ельцин... При посещении Горбачевым Украины я бывал в его окружении.

После окончания Томского университета мне, 22-летнему юристу, в последующей служебной карьере помогла практика работы следователем районной, а затем старшим следователем Кемеровской областной прокуратуры. Это был второй поистине жизненный университет, в котором я познавал сокрытую сторону нашего советского общества, увидел жестокие преступления и поломанные трагедиями человеческие судьбы. «Прокурорский» университет воспитал во мне строгие принципы: всегда соблюдать законность, ибо ее нарушение влечет не только общественную, но и личную беду; кроме знания законов и строгого их выполнения не менее важными в жизни и правоприменительной деятельности являются личностные качества: порядочность, справедливость и человечность. Пройдя прокурорскую выучку, в годы дальнейшей службы я не позволял вынужденным обстоятельствам или кому бы то ни было втягивать себя в решение политических или профессиональных проблем, которые выходили бы за рамки конституционных норм и действующего законодательства. Я и сегодня стараюсь избегать излишних политизированных обобщений, огульных обвинений и поучительных умозаключений, как говорится, после драки кулаками не машут.

Я воспитывался на героическом прошлом органов государственной безопасности СССР, подвигах советских разведчиков. В истории отечественных спецслужб действительно было много героического, чем можно гордиться, но и немало трагического, о чем нужно знать. О нелегких периодах надо говорить правду, которая прошла через судьбы многих поколений, в том числе и моих современников. Мои записи кому-то могут показаться необычными. Это не совсем мемуары. В период служебной деятельности и позже, будучи в отставке, я знакомился с архивными документами о массовых репрессиях, политических чистках. Поражало необъяснимое для меня: как в социалистической державе могло случиться, что миллионы рядовых тружеников и элита нации – ученые, писатели, политики, военные и сами судьи – оказались физически уничтоженными карательной политикой советской власти. Подлинные архивные источники помогают разобраться в политических интригах и хитросплетениях, прикоснуться к правде. События прошлого продолжают волновать героическими и трагическими поступками людей. Радуюсь одному и огорчаюсь другому, я осуждаю попытки злобного очернительства истории нашего государства и несправедливого порицания деятельности органов госбезопасности советского периода. Возвращаясь к конкретным известным мне фактам, публикациям собственных интервью и бесед с журналистами и политиками, замечая, что об органах государственной безопасности продолжают традиционно писать в двух ярких красках: красной – о героических подвигах сотрудников и черной – об их участии в репрессиях, подавлении диссидентства и инакомыслия.

Отдаю должное героизму сотрудников спецслужб в годы Гражданской и Отечественной войн и в наши дни. Но мало кто знает о трагическом пути специальных служб СССР, о том, в какие условия они были поставлены временем и законом (или его отсутствием), какие партийные установки в конкретных исторических условиях вынуждены были реализовывать. Во все времена чекисты стремились достойно выполнять свой долг по защите Отечества, а в ответ нередко получали недоверие, шельмование, а то и необоснованные гонения. Руководители страны, зачастую спасая свои высокопоставленные чины, манипулировали органами безопасности, исполнителей поставленных ими задач обвиняли в беззаконии и жестоко предавали.

Новое поколение сотрудников органов безопасности многого не знает о подлинных событиях последних лет советского периода. О таких явлениях, как формирование многопартийности, политической оппозиции, студенческие голодовки, палаточные городки, массовые забастовки шахтеров. О том, как антикоммунизм и антисоветизм десятилетиями активно инспирировался и настойчиво поддерживался западными спецслужбами. О том, как послевоенная «холодная война» со стороны Запада продолжалась, несмотря на горбачевскую перестройку, приветствовавшую тем же Западом.

Время и память для каждого человека – самые строгие судьи в последней инстанции. Я пытаюсь осмыслить свою прошедшую жизнь, сделать ревизию служебной деятельности и личных поступков, какими бы они ни были в оценках моих друзей или недругов – положительными или отрицательными. У меня нет желания создавать сказки о собственной персоне или кому-либо понравиться; постараюсь быть беспристрастным и правдивым, потому что многое, о чем пишу, прошло через мою душу и переживания. И хочу пережить в своих воспоминаниях заново мое время.

В этой книге я много пишу об Украине, где во время работы узнал людей мужественных, трудолюбивых, стойких в преодолении выпавших им трудностей. Там встречался с героическими ветеранами, которые прошли через испытания Великой Отечественной войны, через военные сражения и партизанские схватки с врагами, ликвидацию бандитизма в годы вооруженного оуновского подполья. Мои украинские коллеги в годы фашистской оккупации пережили неимоверно большие трудности, чем досталось мне в тыловом Казахстане, где было тоже несладко и куда неспроста отправляли в ссылку народы Кавказа и немецкое население.

Когда на современной Украине раскручивается кампания по апелляции к националистическим ценностям, героизации ОУН – УПА, то именно история органов КГБ республики на конкретных примерах наглядно показывает великую силу дружбы русского и украинского народов¹.

Деятельность чекистов моего поколения проходила в условиях «холодной войны», а это – гонка ракетно-ядерного вооружения, соревнование с реальным противником в вопросах идеологического и психологического противоборства, возникающие локальные войны, в которых сотрудников КГБ бросали на передний край – от Вьетнама, Анголы до Афганистана и других стран.

Мне хотелось бы обратить внимание также на враждебные планы и замыслы западных спецслужб против СССР, конкретно против Украины и России. К сожалению, в силу секретности мы сами не всегда принципиально их оценивали, иногда не доводили их до общественности и получили в итоге печальные результаты. Многие упрекали нас в нагнетании обстановки, но на чьей стороне оказалась победа в «холодной войне»?

В личном поведении я старался руководствоваться нравственными правилами честного служения порученному делу, никогда не занимался угодничеством, не дружил домами с «вельможами», не раздувал собственные щеки. В жизни принимал, может быть, не всегда правильные, но самостоятельные решения, заведомо зная, что многие из них не принесут ни личной славы, ни благополучия.

Работа над этими размышлениями подарила мне возможность честно ответить на многие большие вопросы, высказать слова благодарности всем, кто был рядом в моей жизни: школьным и университетским друзьям и педагогам, кемеровским чекистам, сотрудникам и руководителям КГБ СССР и УССР. Всем этим достойным людям я благодарен, искренне и навечно.

¹ На Украине издан двухтомник Н. Голушко «КГБ Украины: последний председатель» (Донецк, 2009), где раскрывается специфика работы органов госбезопасности в союзной республике, действия националистических и сепаратистских кругов по развалу СССР. Весь тираж автор передал ветеранам.

Часть первая

Как я стал чекистом

Глава первая

Моя украинская семья

Исторические корни моей семьи уходят в глубины центральных областей Украины. Дедушка Афанасий и бабушка Ульяна с сыном Иваном во время Столыпинской земельной реформы в 1905–1906 годах выехали из родных мест бывшей Полтавской губернии (ныне Черкасская область, Чернобаевский район) в поисках счастливой доли в далекие, суровые, но благодатные ковыльные степи Северного Казахстана. В конце XIX века украинские крестьяне от безземелья и нищеты отправлялись искать лучшую долю в Канаду, США, Аргентину. Выходцы из восточных областей Украины по той же причине устремлялись в бескрайнюю Россию, заселяя ее от Урала до Дальнего Востока. Правда, не все было так гладко, как представляется сегодня.

Многострадальцам трудно было сразу обустроиться на новом месте, в голой степи. Вот что говорил в то время русский писатель Михаил Пришвин о судьбе переселенцев, о земляках моего деда в очерке «Адам и Ева»: «И вот опять эта вечная пара: украинец и украинка на фоне желтой сибирской степи. Он говорит с товарищами о хуторе на берегу Иртыша. А она грустно смотрит на пустую степь без деревьев, без яблонь и вишен, без мазанок белых с плетнями, на желтую, сухую, дочиста выжженную солнцем землю с сухой низенькой щеткой вместо травы и говорит: «Як бы трошки землицы в Полтаве, так нашоб я в ту бисову землю поехала». Понятно, что великая нужда звала осваивать новые плодородные земли.

Надо отдать должное тому, что царское правительство поддерживало освоение свободных земель Российской империи, создавало для этого крестьянские банки, предоставляло новоселам земельные наделы (хутора) и бесплатно давало лошадь и корову каждой переселенческой семье. Мужественные и сильные физически и духом украинцы ехали в казахские края, поднимали пахотные целинные земли. Местному населению переселенцы несли культуру земледелия, новые традиции и формы дружеского межнационального общения. Как-то в 1970-е годы мне довелось общаться с Зиновией Франко, внучкой известного украинского писателя, и когда я ответил ей на вопрос о своем происхождении, она произнесла: «Как же нас, украинцев, судьба по всему белому свету разбросала».

Мой дедушка, видимо, владел грамотой, так как в семье до последнего поколения сохранились несколько церковных книг на старославянском, сборники произведений на украинском языке, привезенные из родных мест, в том числе томик стихов Тараса Шевченко. Бабушка была совершенно безграмотной, вместо подписи ставила крестик.

Помню, как во время учебы в классе третьем или четвертом я вслух читал маме «тарасову Катерину» медленно, по слогам, произнося украинские слова, такие близкие нашей повседневной речи. В семье не говорили на русском языке, мы «балакали». Мама внимательно слушала и плакала, то ли от переживаний о несладкой судьбе Катерины, то ли от радости, что подрастающий сын уже научился читать.

В семье дедушки выросло четверо сыновей, которые пустили свои родовые корни уже в казахстанские степи. Для Павла, Якова и моего отца Михаила (1916 года рождения) эта просторная земля стала их родиной.

Старшим поколением нашей семьи, их делами, памятью о них я могу гордиться. Все они были тружениками, достойными представителями своего народа, честными коммунистами.

Все мужчины воевали, два родных брата отца, Павел и Яков, погибли на фронтах Великой Отечественной войны.

Бабушка Ульяна со времен Гражданской войны одна воспитывала сыновей. Дело в том, что дедушку расстреляли белогвардейцы: колчаковский карательный отряд ворвался в наше большое село и реквизирует у местного населения лошадей. Дедушка активно сопротивлялся, поэтому его и убили.

Одна из моих талантливых землячек, казашка Сапура Эмирекызова, описала в книге воспоминаний, как в 1918 году в соседних селах украинских переселенцев Юдинка и Качиловка ворвавшиеся туда белогвардейцы убили комсомольцев из аула Согрымбет, возле озера Торангул, вонзили копье в грудь комсомольского активиста Мусабаева. А ее родного дядю, казаха Дусейби, расстреляли только за то, что не хотел отдавать колчаковцам свой скот. Так было с местным населением и с украинцами.

Я с четырехлетнего возраста помню начало Великой Отечественной войны. Словно в документальном кино, вижу, как провожали на фронт братьев отца – Ивана, председателя колхоза, и Якова, районного прокурора. По старинной традиции они уходили из дома своей матери – моей бабушки Ульяны, которая жила вместе с нами с семьей своего младшего сына Михаила, служившего уже два года в армии. Не знаю, сколько веков этой доброй традиции и была ли она привезена с украинской земли, но в нашем селе считалось, что материнские слезы уберегут на поле битвы сыновей от вражеской пули. Помню и снова вижу, как дядя Яков, держа меня на руках и прощаясь с родными, сильно плакал. Брат Иван его успокаивал: «Не реви, Яков, нас не успеют довести до Кокчетава (областной центр, около 200 км от нашего села), как немцы будут разгромлены». Бабушка просила Якова о другом: «Сынок, не признавайся, что ты коммунист, ведь партийных посылают вперед».

В начале 1944 года вернулся с войны на костылях дядя Иван и на пятый день уже руководил местным колхозом, в котором оставались работать одни старики, женщины и подростки. Мне, уже школьнику, он рассказал о гибели дяди Якова, политрука батальона. Это произошло при освобождении Орловщины: с командиром батальона и ездовым он проезжал через мостик небольшой речушки, недалеко от передовой. В их телегу была брошена граната или немецким диверсантом, или кем-то из предателей. Все погибли. Иван похоронил младшего брата, а через три дня после боев посетил его могилу и, возвращаясь назад, сам подорвался на вражеской mine. Кстати, каждый третий, призванный из нашего украинского села, не вернулся живым. А вот что вспоминает Сапура о казахском селении: «Пятьдесят парней из нашего аула по первому призыву ушли на войну... Многие из них пали смертью храбрых, защищая свою Родину».

В 1938 году моего отца призвали в Красную армию. К этому времени (ему было 22 года) он «выбил» в начальники тракторной бригады, когда появились в селе трактора. Какая это была «почетная» должность, можно судить по тому, что он в одном лице являлся и трактористом, и механиком, и агрономом. Возвращения отца домой ждали в конце 1940 года. В то предгрозовое время опытных солдат не торопились увольнять из действующей армии. Вскоре после финской кампании началась Великая Отечественная война, которую мой отец, как и миллионы советских солдат и тружеников тыла, вынес на своих плечах. Все мое раннее детство прошло в томительном ожидании возвращения отца с фронта.

Моя мама, Мария, была сиротой. Ее родители (отец Ефим Руденко) погибли в годы великого голодомора, бушевавшего в 1930-е годы как на Украине, так и в Северном Казахстане. В 1931 году была настолько сильная засуха в степи, что, спасаясь от голодной смерти, тысячи казахов уехали в Россию. В моей памяти мать осталась великой труженицей, колхозной дояркой. Она делала невозможное: ежедневно обеспечивала уход за двумя десятками коров – кормила, поила, убирала за ними. И, конечно, доила натруженными руками. Помимо общественного у мамы было свое домашнее хозяйство, да надо было следить и ухаживать за бабушкой и двумя малолетними детьми: мной и сестренкой Лидой, которая родилась вскоре после ухода

отца на службу в армию. Такова была нелегкая судьба многих советских женщин в то суровое лихолетье.

Детей сызмала приучали к труду. Надо было помогать матери в колхозной работе, за которую начислялись «палочки» – трудодни. Сегодня, когда сам стал отцом и дедом, понимаю, как тяжело приходилось тогда нашим матерям: не до особой любви и ласки к маленьким детям, главное было их прокормить в трудные военные годы.

Восемь лет моя бабушка, горюючи, ежедневно ждала своего младшего сына с этой проклятой войны, а не дождалась всего лишь два месяца. Бабушка заставляла меня молиться, читать вслух молитву строго по утрам и перед сном. «Молись, молись, – приговаривала она, – иначе отец с войны не вернется...» И я молился, всем своим детским сердцем желая возвращения с этой непонятной войны родителя, которого я еще не видел наяву, рассматривая только немногочисленные фотографии... А когда распахнулись двери и на пороге нашего дома появился демобилизованный отец, моя нетвердая вера в Бога исчезла, растворилась в том безграничном море сыновней любви и счастья, которые может испытывать только ребенок.

Он вернулся домой осенью 1946 года, высокий, красивый, сильный, в ладно сидящей на нем армейской форме, пограничной фуражке. Я особенно гордился этим военным головным убором, изредка прося у отца надеть его и похвалиться перед друзьями. Кстати, зеленая фуражка, буквально говоря, несколько лет продолжала нести почетную и ответственную службу. Лучший друг отца, участковый уполномоченный капитан Мусин, один милиционер на несколько окрестных сел и аулов (а каждое селение расположено в 30–40 километрах друг от друга), в случае серьезного уголовного происшествия приезжал к отцу: «Михаил, надевай свою зеленую фуражку и поедem вместе разбираться». Они были не просто хорошими друзьями, а по-казахски *тамырами* – названными братьями. Общались между собой часто на казахском языке, которым мой отец неплохо владел (и я тоже, подчеркну без лишней скромности). Когда случалось опасное преступление, мама, переживая за отца, не разрешала ему уезжать вместе с Мусиным, грозила не пускать милиционера даже на порог дома и «выбросить» знаменитую отцовскую фуражку.

В послевоенное время к нам часто приходили друзья отца. Он всегда пользовался авторитетом и уважением односельчан. Сидели вечерами, выпивали рюмку-другую домашней самогонки (хотя водка была недорогой, но денег у колхозников было негусто), печально вспоминали войну. А я, десятилетний сорванец, лежал на теплой печке, уши «топориком» и, затаив дыхание, слушал рассказы фронтовиков.

Однажды наш сосед рассказал историю, которая поразила меня до глубины души. В первую военную зиму красноармейцы (человек двадцать) после жестокого боя оказались в лесу. Где свои, где немцы – неизвестно. Надвигается ночь, а вместе с ней и страшный на тот момент враг – сильный и безжалостный мороз. Решили обустраиваться на ночлег. А как быть? Костер развести нельзя – немцы обнаружат. Офицер приказал наломать елового лапника, уложить его на снег, а солдатам – снять шинели и ложиться на ветки, тесно прижавшись друг к другу. Бойцы запротестовали. Что за ерунда: в мороз и без шинели? С трудом командир уговорил их выполнить задуманное. Когда солдаты улеглись, он заботливо укрыл их шинелями, подоткнул края, а сам как старший по званию остался в карауле. Ночь прошла спокойно. Бойцы отдохнули, согрелись. А когда проснулись, увидели своего командира, привалившегося спиной к дереву, сжимавшего в правой руке пистолет. На оклик не отозвался, а когда подошли ближе, поняли, что их командир замерз.

Отец, как и до войны, возглавил тракторную бригаду и больше пропадал в поле, чем мы видели его дома. Родилась сестренка Валя, но счастье в семье оказалось недолгим. Не прошло и пяти лет после возвращения отца, как мы осиротели: умерла мама, надорвалась от непосильных трудов. Ей было всего тридцать три года. Трехлетняя Валя во время похорон матери вдруг запела песню, которой научила ее мать:

На Украине черный ворон кряче,
А на чужбине дивчинонька плаче...

Через два года у нас появилась мачеха, Мария Бондаренко, которую мы признали как родную. Вместе с отцом в тяжелые колхозные годы они совершили почти подвиг: двоим своим детям дали средне-специальное, а троим – высшее образование. Позже мачеха мне рассказывала, что до самого почтенного возраста отец внимательно следил за международной обстановкой. Он ежедневно собирал вокруг себя соседей-стариков, читал соседям вслух газеты, возмущался, если кто-либо из них во время такого «политпросвещения» дремал.

Живя в Казахстане, отец был убежденным сторонником Бориса Ельцина, мачеха же ценила Владимира Жириновского за знание иностранных языков, говорила: значит, он умный.

В целинных казахстанских краях остались святы для меня места – родные могилы моих дедушки и бабушки, отца и мамы. Я горжусь, что во время похорон отца из администрации президента Казахстана поступила правительственная телеграмма: районным властям надлежало отдать почести простому солдату, труженику, 45 лет выращивавшему целинный хлеб. Такое не забывается! Суровые условия, в которых жило мое поколение, воспитывали наш характер: не бояться трудностей, голода и холода, любить и великую Родину, и малую, ту самую, где осталась средняя школа, где течет речка моего детства под названием Шарык. Поистине, родной край – золотая колыбель, как говорит народная казахская мудрость.

Глава вторая

Моя казахстанская школа

Мои школьные и университетские годы, сознательная жизнь и трудовая профессиональная деятельность прошли в советское время. В тяжелейшие военные и послевоенные годы мое поколение, благодаря рабоче-крестьянской власти, получило возможность окончить школу, продолжить образование, работать на благо многонационального государства, которое обеспечивало нам социальную и творческую перспективу. К примеру, в наших краях в те годы девушек-казашек после школы насильно увозили в города, определяли в средние и высшие учебные заведения, главным образом педагогические и медицинские. Страна заботилась о воспитании местных кадров, создании национальной интеллигенции. Считаю, что советской власти я обязан многим: познанием великой страны, депутатской деятельностью, служебным ростом. При другой власти, когда правит бал его величество капитал, мне было бы уготовлено в лучшем случае повторить участь отца – механизатора и хлебороба.

Непритязательным и мудрым моим наставником была бабушка. С раннего детства она прививала мне нравственный кодекс: хорошо учиться в школе, не хулиганить, не курить (мои сверстники рано начинали баловаться куревом и спиртным), иначе «ни одна порядочная семья за тебя невесту замуж не выдаст». Опасения, что можно на всю жизнь остаться холостяком, если не соблюдать бабушкины наставления, были серьезным стимулом для моего вполне приличного поведения в молодые годы. А у отца была своя прагматическая воспитательная мотивация: не будешь хорошо учиться, всю жизнь тебе придется «колхозным быкам хвосты крутить». Так воспитывалось понятие семейной репутации, которую надо было пронести через года.

В нашей Андреевке, большом казахстанском селе Кокчетавской области, в 1954 году среднюю школу закончили всего 14 человек. Из них немцы Нелля Вильгельм и Арнольд Фоленвайдер, ингуш Беслан Точиев, украинки Наина Собко, Мария Шматко, Люда Овод. Не надо забывать, что в первый класс мы пошли в военном 1944-м. Для многих сверстников (особенно из семей эвакуированных украинцев, поляков или депортированных на спецпоселение ингушей и немцев) пройти десять лет учебы в школе было весьма проблематично; многие из них были несчастными детьми войны – голодными, полураздетыми, полуобутыми. Сегодняшним выпускникам, имеющим возможность учиться в лучших учебных заведениях, невозможно даже представить, что мои друзья с седьмого класса мечтали (и для многих это было почти несбыточной мечтой!) попасть на учебу в ремесленные училища Караганды. Там можно было получить шахтерскую специальность, регулярное питание и – предмет особой гордости – форменную одежду ремесленного училища с брезентовым ремнем.

Памятно деревенское детство, которое было трудным и голодным. Не было керосина, мыла, соли и спичек. Я помню вкус затирухи, блинов из картофеля, блюд из лебеды, дикого щавеля, крапивы, сладких корней тростника и лопухов. Спасала семью кормилица-корова и огород с картофелем и капустой. Поэтому не принимаю и ненавижу показываемые по многим каналам государственного ТВ так называемые «кулинарные поединки» пресыщенных лиц. Каково смотреть на их «сытые соревнования» тем, кто и в наши дни живет-выживает на грани нищеты.

В начальных классах школьников привлекали к работе в колхозе: сбору колосков пшеницы после жатвы, прополке посевов от сорняков, которые до крови ранили детские руки.

Рукавиц или перчаток не было, девочки от боли плакали, мальчики поддерживали их, но скупыми слезами.

Нас, мальчишек, уже с первого класса готовили быть воинами. В школьном расписании были обязательные занятия по военной подготовке: мы ходили строевым шагом, с муляжами

винтовок, отрабатывали приемы штыкового боя. Мама мне выстрогала «боевое оружие» из обрезка деревянной доски. Поразительное было тогда время: с одной стороны, война, беспросветная нищета и холод, с другой стороны, в старших классах учеников заставляли разучивать бальные танцы – фокстрот, краковяк, польку, падеграс и падеспань. Сейчас молодежь и названий таких, наверное, не знает.

Старшеклассниками мы участвовали в посадке защитных лесных полос вдоль дорог и полей бескрайней голой степи: это называлось сталинским планом преобразования природы. Мудрое начинание, принесшее людям несомненную пользу. Неспроста китайцы миллионами сажают молодые деревья в наши дни. Вечерами пели украинские народные песни, с раннего детства знали «колядки», за исполнение которых в религиозные праздники получали от взрослых скромные подарки.

Сразу после войны, в 1946–1947 годах, случился неурожай, разразился повальный голод, коснувшийся северных областей Казахстана. Особенно тяжело приходилось находящимся в нашем селе в ссылке людям, не имеющим своего подсобного хозяйства.

Отец, бригадир тракторной бригады, с детства научил меня управлять трактором и комбайном. В университетские годы я был активным участником студенческих отрядов. Когда нас посылали убирать урожай на алтайской целине, я надежно заменял колхозного комбайнера, который мог сутками заниматься своими домашними делами, полностью доверяя мне технику.

Сколько себя помню, постоянно увлекался чтением. В младших классах я перечитал сохранившиеся книги и конспекты дяди Якова – это была юридическая литература, непонятные для меня кодексы и статьи. В библиотеке сельского детского дома пылились толстенные издания русских классиков, которые мне выдавали, и я прочитывал авторов от корки до корки, зачастую, как в случаях с произведениями Белинского и Добролюбова, не понимая глубинного смысла. Захватывал меня сам процесс чтения. У эвакуированных ленинградцев за десяток куриных яиц выменивал книги о знаменитых летчиках, помню о Серове, Аккуратове, Пусеппе. Одним из первых в селе я прочитал «От Путивля до Карпат» о героическом Сидоре Ковпаке. Мне хотелось во всем походить на легендарного летчика Маресьева из «Повести о настоящем человеке», и я подражал ему даже походкой: громко топал по коридору школы, словно протезами, тяжелыми японскими ботинками – военным трофеем отца. Остро переживал, как мальчишескую беду, наступление мирного времени, поскольку с ужасом думал, что для меня теперь, после окончания войны, не будет возможности совершить какой-нибудь героический подвиг. Память у меня была хорошая, и я выучил наизусть «Евгения Онегина», но это уже не столько от любви к великому поэту, сколько от постигшего горя: смерти матери. Свои детские слезы, болевые душевные переживания забивал учением наизусть стихотворений Пушкина. Я влюбился в его поэзию, и классик отечественной литературы остался моей первой и основной привязанностью до настоящих дней. Приятно, что моя дача находится рядом с музеем Александра Сергеевича в подмосковном селе Захарове, где юный поэт сочинял свои первые стихи. Должен признаться, что в студенческие годы мне нравилась любовная лирика советского поэта Евгения Евтушенко, но недолго. С годами отношение к нему изменилось.

Далеко не всем моим современникам, особенно молодым и даже зрелым людям, станет понятно, почему многие из моего поколения часто вспоминают о Сталине. Мы родились в то, теперь далекое время, тогда же определялись наши идейные и нравственные критерии, наши личности и характер становились и мужали в тех обстоятельствах. И потому наша память содержит то, что неведомо другим. Я отчетливо помню все происходившее в марте 1953 года в день похорон руководителя Советского Союза: вся школа рыдала, заливаясь слезами. Плакали учителя и школьники, русские, казахи, украинцы, немцы, ингуши. Были отменены занятия, выстроена траурная линейка от первоклассников до десятого класса. Перед собравшимися выступило руководство школы: директор Мамаев, фронтовик, без правой руки; заведующая учебной частью Мария Денисовна Собко, преподаватель литературы и русского языка, и я,

ученик девятого класса, секретарь школьной комсомольской организации. Имя Иосифа Виссарионовича Сталина тогда было связано с победами на фронте, с ежегодным понижением цен, со всем тем, что связывалось у народа с постепенным улучшением жизни. Он был гарантией благополучного будущего. И вдруг вождя не стало... Страшно было оставаться без него. Распространялись слухи о том, что в страну вернутся пережитые невзгоды и несчастья, что снова начнется война, теперь уже с Америкой.

Вскоре началась героическая эпопея советского народа – подъем целинных и залежных земель, широко коснувшийся наших степных районов. Кое-кто сегодня называет это ошибкой Хрущева: надо было поднимать российские земли. Жить на селе стали немного лучше. Хотя продолжались неподъемные для колхозников налоги деньгами и натурой – сдачей молока, платой за содержание скота в личных хозяйствах. Никогда не забуду, как в село приезжали представители района для переписи имеющейся у населения живности. Многие пытались утаить скот от налогообложения. Сосед, казах, со слезами упрашивал районных чиновников не учитывать жеребенка, говорил, он «маленький, еще ребенок»...

В Казахстан стали прибывать «целинники», в наш район – в большинстве из областей Украины. В целинных степях начала греметь слава молодого директора совхоза Федора Моргуна, в последующем народного депутата СССР, первого секретаря Полтавского обкома КПСС. С ним у меня долго продолжались встречи. И ныне я берегу подаренные им несколько книг воспоминаний. С тех школьных лет помню о целинных подвигах молодого комсомольца Николая Залудяка, ставшего потом губернатором Полтавской области.

Тогда же, с началом подъема целинных и залежных земель, удалось установить переписку с родственниками по линии деда, проживающими на Черкасщине. Это целая былинная история.

Наша соседка Щербиниха попросила «перед смертью» свозить ее на родную землю, которую она покинула еще в годы Столыпинской земельной реформы. Оттуда она привезла моему отцу такую весточку: «Если ты сын Афанасия и Ульяны, откликнись, бо ты – наша родня!» – писали родичи из Украины. Отец сомневался, надо ли через полвека писать ответное письмо. Он рассуждал, что там прошла война, родня была под немецкой оккупацией (помните такую графу в анкетах?), мало ли что было: вдруг пособничество немцам, бандеровцам... Настояла жесткая и твердая по характеру мачеха: «Михайле, напиши письмо. Может, твоя родня нам будет из Украины посылки с сухофруктами слать!» Так у отца установились контакты с дальними (скорее, отдаленными по расстоянию) родственниками. Они оказались добрыми, приветливыми, такими же природными тружениками. Председатель колхоза Лука Алексеевич (фамилию, к сожалению, забыл) на мой вопрос, как там, в селе, характеризуются Голушки, ответил: «Люди хорошие. Но работать в колхозе не хотят, все рвутся в учителя и парторги». Родственники приглашали отца вернуться работать на Украину, но он отказался, ответив так: «У меня в казахстанской бригаде больше гектаров земли, чем у вас в целом украинском районе».

Из своих школьных учителей помню практически всех, конечно, больше всего любимых: преподаватель казахского языка Жанайдар Байдасович Хамзин, историк Клавдия Ивановна Ломакина, эвакуированная из Ленинграда, после войны вернулась в родной город. Самым дорогим для меня человеком является Мария Денисовна Собко, учитель русского языка и литературы. Переписку с ней продолжаю до настоящего времени. В феврале 2009 года ей исполнилось 90 лет. Чтобы показать нынешнюю судьбу родного села Андреевка, где родился и окончил казахстанскую школу, приведу некоторые фрагменты нашей переписки. Моя учительница пишет о судьбе односельчан, которая постигла их после развала Союза. Целинные украинские села в советское время были процветающим краем, обеспечивавшим страну хлебом. А теперь их покидают русские, украинцы, немцы.

Из письма М. Собко. 1 июня 1997 года

...Живу под впечатлением встречи с тобой, Коля. Это был какой-то непонятный сон. В теперешней жизни такие встречи – большой, незабываемый праздник.

Немного о нас. Ликвидировали нашу Кокчетавскую область и наш Рузаевский район. Теперь нам надо ездить в новый район за 110 км. А зимой вообще будет плохо, везде заносы, кругом сугробы снега.

В жизни никаких улучшений. Пенсию дали за апрель прошлого года. Правда, стали подавать электричество с перерывами. Но телевизор не посмотришь, включают только Алма-Ату. Из села выехали почти все немцы. Украинцы уезжают в Россию.

Прости, если что не так написала.

Твоя учительница М. Д.

Из письма М. Собко. 12 июля 1999 года

...Мы собираемся покинуть Казахстан. Работы нет. Саша только два месяца в году работает. Закон таков, что пенсия будет начисляться за последние два года. А какая будет пенсия, если не работаешь?

В начале мая ездили в Омск. Сказали: переезжайте, пенсия будет. Жилья не купили, очень дорого. Но все решили продать и переехать в Россию. Мы боимся и плачем, и плачем. В Казахстане никакого просвета. Посеяли очень мало, что уродит – отдадут за горячее (его брали в долг).

Любящая тебя М. Д.

Из письма М. Собко. 25 декабря 2002 года

...Вот видишь, я еще живу, хотя близких моих друзей уже давно нет с нами...

Я до сих пор не верю в то, что произошло с Союзом, это правда. Кажется, это кошмарный сон, который должен скоро кончиться...

Радует в жизни только то, что мои ученики помнят меня. Значит, не зря прошла жизнь...

Разбросала жизнь племянников и племянниц по всему свету. Лариса – в Германии, Люба – в Белоруссии, Наташа – в Красноярском крае, Саша – в Калининграде. Так и живем, не видя друг друга. Коля, прости за такое письмо...

Твоя М. Д.

Письмо Галины (дочери М. Собко). 4 мая 2007 года

Получили от тебя послание, за все огромное спасибо. Мама всегда с благодарностью и нежностью относится к тебе, говорит, из тысяч учеников ты единственный, который помнит и заботится о ней. В феврале ей исполнилось 88 лет.

Зиму пережили, летом должно быть легче.

Мария Денисовна и Галя.

Глава третья

Мой российский университет

После окончания учебы в средней школе мой выбор профессии определился одним – прочитанной в ранней молодости юридической литературой, которая стала невольным наследством погибшего в годы войны дяди Якова, прокурора района.

Почему Томский университет? Томск был близок к Казахстану, поэтому я решил искать счастья в сибирском городе. Отец уговаривал поступать в Омский сельхозинститут, хотел видеть во мне агронома, продолжателя его хлеборобского труда. «Вот, в районе появился молодой специалист-агроном, ему дали сразу дом и мотоцикл, да и Омск недалеко, – убеждал он меня. – Агроном в селе – это интеллигенция, не пропахший соляжкой механизатор».

В тяжелом положении пребывали колхозники. Даже после войны было трудно выезжать за пределы своих сел и деревень; их повзрослевшим детям не выдавали паспорта. Некоторые жители многих аулов были вообще не паспортизированы. Мне с трудом удалось получить паспорт после окончания школы, чтобы уехать для поступления в вуз. Спасло то обстоятельство, что мне было семнадцать лет и я еще не был поставлен военкоматом на учет.

Когда я сказал отцу, что после юридической подготовки можно стать судьей или прокурором, как его родной брат Яков, у него не осталось аргументов для возражений. Я тогда не представлял себе славу юридического факультета Томского университета. Уже студентом я узнал, что в 1898 году в Императорском томском университете был открыт юридический факультет – первый на территории от Урала до Тихого океана. Его открытию в Сибири предшествовало специальное постановление Государственного совета и указ императора Николая II.

Для меня, жителя степей, Томск стал местом, где я впервые увидел железнодорожный вокзал, белоснежное здание университета, многоэтажные дома, трамваи, молодежный город, в котором каждый четвертый житель – студент, где я нашел талантливых преподавателей.

Я не представлял себе трудностей, с которыми столкнулся при поступлении в университет. В нашей семье сохранялся украинский уклад, а главное – украинский язык, впитанный с молоком матери, естественно, далекий от литературного. При сдаче экзаменов явно выделялось мое произношение с украинским акцентом. Вступительный конкурс среди десятиклассников достигал 17 человек на одно место при общем наборе 75 студентов на первый курс. В те годы при поступлении на учебу имели льготы молодые люди, отслужившие в армии или получившие двухлетний производственный стаж работы. Меня же при прохождении конкурса выручили высшие баллы на экзаменах по сочинению, литературе, истории, географии и четверка по иностранному языку. Студентами стали выпускники школ, набравшие не менее 23 баллов из 25, а льготники – не ниже 20. Из этого видно, что страна готовила специалистов, делая упор не только на талантливых десятиклассников, но и на тех, кто приобрел бесценный трудовой стаж или воинский опыт. Потом я узнал, что среди сокурсников, кроме меня, из Казахстана были Альберт Черненко, медалист, окончивший школу в Семипалатинской области, и Римма Виноградова из Караганды.

В казахстанские вузы поступить было сложно. Землячка, выпускница нашего факультета Анна Рабец (доктор юридических наук, профессор), вспоминает о предпринятой ею попытке поступить в Алма-Ате: «Оглядев меня сочувственно, секретарь приемной комиссии, по национальности казах, в момент развеял мои иллюзии на сей счет: чтобы поступить, по крайней мере надо быть казашкой, но этого у меня нет; можно также иметь большие деньги, но, судя по моей внешности ученицы школы-интерната, этого никогда не было; можно говорить по-казахски, но этого я не умела; наконец, надо хоть черненькой быть, но и тут неудача: я блондинка от природы».

Итак, мне семнадцать лет, я стал студентом. Проживаю в университетском общежитии вместе с ровесниками, поступившими в университет сразу после школы: Бессоновым, Лебедевым, Петелиным, Гуриненко, Власовым. Все они, как и я, дети военных лет из самых простых трудовых семей. Кем они стали? Владимир Лебедев из Алтая – доктор юридических наук, автор многих учебных пособий по трудовому праву, профессор Томского университета; Альберт Петелин – кандидат юридических наук, был деканом юридического факультета Омского университета; Анатолий Гуриненко – из Хабаровска, человек с поэтическим даром, работал в Министерстве юстиции СССР; Владимир Власов много лет возглавлял прокуратуру Новосибирской области; Юрий Бессонов – военный прокурор, защитил кандидатскую диссертацию и преподавал юридические дисциплины в военных училищах.

Самых высоких научных достижений из моих однокурсников добились Николай Витрук, избранный членом Конституционного суда России, доктор юридических наук, и Юлия Борисова (Гавло), доктор юридических наук.

Студенческие годы – это романтическая поэма в жизни каждого из нас. Жили коммуной, в складчину, в основном на стипендию, но весело и беззаботно.

Наша университетская газета публиковала часто студенческий юмор. Вспоминается, как в ней определялись степени изношенности студенческих носков: предпоследняя – когда сквозь них видны пальцы ног, и последняя – когда бросишь носки вверх, и они прилипают к потолку.

На четвертом курсе моя студенческая работа по анализу концентрации финансового капитала в ведущих капиталистических странах получила вторую премию на городском конкурсе научных работ. Дипломную работу защитил по тематике соотношения дознания (курировалось МВД) и предварительного следствия, входившего в компетенцию прокуратуры. Еще на последнем курсе университета при подготовке дипломной работы я обосновывал целесообразность создания единого и самостоятельного следственного ведомства в стране, отдельного от принадлежности следствия к МВД, КГБ или прокуратуре. Знание предмета помогало мне и в зрелые годы, в период обсуждения этих вопросов во время депутатства, стоять на этой точке зрения.

Перед распределением на работу я был приглашен в Томское управление КГБ, где прошел собеседование и медицинскую комиссию. О родственниках расспрашивали до третьего колена. В то время сотрудники государственной безопасности в моем киношном, периферийно-романтическом воображении казались таинственными и засекреченными – высокие, стройные и бесстрашные герои в привлекательной военной форме. Попасть на работу в КГБ без партийной рекомендации или райкомовской комсомольской характеристики было трудно или просто невозможно. Как успевающий студент, комсомольский активист и спортсмен (был членом комсомольского бюро факультета, входил в сборную команду университета по лыжам), я шел в числе первых на государственную комиссию по распределению молодых специалистов. Когда мне предложили выбор работы, представитель отдела кадров Томского управления КГБ на комиссии заявил, что меня они берут к себе.

Направление в органы госбезопасности из нашего выпуска получил также Павел Ковалев, член партии, бывший моряк.

По-разному в будущем сложились наши судьбы. Вместо практической работы нас решили направить снова на учебу, теперь в двухгодичную Могилевскую школу подготовки оперативного состава КГБ. Выпускники школы в те годы распределялись на службу в республики Прибалтики и западные регионы Украины и Белоруссии. Я отказался от учебы в Могилеве по нескольким причинам: надоело за студенческие годы ходить в кирзовых сапогах, но главное заключалось в том, что в мае 1959 года мы с Женей, моей однокурсницей, поженились, создали семью, и на два года не хотелось расставаться с молодой супругой, переходить на курсантское, казарменное положение. Конечно, мотивы моего отказа были не самыми патриотичными. Но, к моему удивлению, в управлении КГБ меня не осудили, не ругали, не уговаривали, а просто

дали понять, что можешь катиться на все четыре стороны. Такое отношение к молодому специалисту было объяснимым: начиналось широкое, более чем на миллион человек, хрущевское сокращение Вооруженных сил, которое затронуло кадры органов госбезопасности.

В январе 1959 года на очередном съезде КПСС Никита Сергеевич Хрущев в своей традиционной манере говорил о необходимости укрепления органов государственной безопасности, не допуская мысли об их сокращении, что, по его выражению, «было бы глупо и преступно». Но уже в феврале на встрече с избирателями Хрущев публично поделился идеей «разумно сократить КГБ». Он заявил, что руководство Коммунистической партии уверено в своем народе, поэтому «мы и внутренние силы – наши органы государственной безопасности – значительно сократили, да еще нацеливаемся их сократить». «В КГБ, – говорил Хрущев, – проводятся значительные мероприятия по сокращению численности органов, учитывая исключительно благоприятную внутривнутриполитическую обстановку в стране». Но объемные сокращения перекинулись на армию – в этом решении отчетливо проявился волюнтаризм Хрущева. В своих речах он преувеличивал достигнутые успехи в создании ядерного и ракетного потенциала: «наши ракеты могут сбить муху в космосе», поэтому военный флот и авиация утрачивают свою мощь и пойдут на демонтаж.

Паша Ковалев после окончания Могилевской школы стал лейтенантом, и я еще успел поработать с ним в Кемеровском управлении КГБ. Вскоре он перевелся в КГБ Белоруссии по семейным обстоятельствам: его могилевская супруга была единственной дочерью прославленной белорусской партизанки. Судьба Ковалева оказалась трагичной: молодой офицер покончил с собой. Причину я толком не знаю. В жизни он был человеком честным, но горячим и резким, даже вспыльчивым...

Вспоминаю почти анекдотический случай, когда поведение Ковалева обсуждалось на парткоме за необдуманную реплику в адрес преподавателя Милехина. Последний настойчиво рекомендовал нам изучать труды В. И. Ленина, без чтения которых он не ложился спать. Ковалев тут же горячо отреагировал: «И я тоже. Как возьму в руки том Ленина, моментально засыпаю». Конечно же, о поведении молодого коммуниста стало известно в парткоме факультета. Ковалев вскоре «отомстил» преподавателю, когда Милехин стал хвалиться тем, что часто выступает перед населением с лекциями по различной тематике. «А лекции о геморрое тоже читаете?» – иронизировал студент. Интересно, как он и после этого прошел проверку в КГБ?

Оставшись без трудоустройства, испытывая горькое разочарование, мы с женой прибыли в ее родной город Кемерово и были не одиноки. В этом городе оказались томские однокурсники, которых я назову по достигнутому ими служебному положению: Михаил Шапошников – председатель Кемеровского областного суда; семья Бобылевых – Анатолий стал заместителем председателя Кемеровского облсуда, Валентина Вельдяскина (Бобылева) – начальником отдела Кемеровской областной прокуратуры; Юлия Кузнецова – член Кемеровского облсуда, Игорь Константинов, сотрудник прокуратуры, затем начальник следственного отделения в УКГБ по Орловской области.

Наша команда подобралась прекрасная, дружная, дерзающая, без блатных связей. Начали рядовыми специалистами, стремились как можно быстрее приобщиться к практическим делам, войти в трудовую жизнь кузбассовцев.

После полуголодного студенчества, когда рыбные консервы в томате и плоская камбала в годы учебы казались нам деликатесами, пролетарский город Кемерово явился благодатным краем, где в отличие от соседних областей в магазинах можно было увидеть нормальный выбор продуктов.

Следователем прокуратуры Центрального района города меня благословил лично прокурор Кемеровской области Сатаров (в последующем прокурор Киргизской ССР). Я получил не только назначение на работу, но и небольшую материальную помощь, будучи оформленным по его совету как молодой специалист. О своей квартире и не мечтали, жили у родителей.

В Кузбассе шла напряженная трудовая жизнь: велись грандиозные стройки, создавался металлургический гигант Запсиб, вводились в действие новые угольные разрезы и шахты, современные химические предприятия.

Мы, начинающие сотрудники, столкнулись с исключительно сложной обстановкой в борьбе с уголовной преступностью. По уровню преступности область стабильно занимала высокие третье – четвертое места в стране. В те годы вступало в силу новое уголовное и процессуальное законодательство, более гуманное, чем прежде. Впервые предусматривалось условно-досрочное освобождение осужденных, в том числе за тяжкие государственные преступления. В местах расположения барачных «сиблагов», «южкузбасслагов» снималась колючая проволока и возникали поселки, превратившиеся в последующие десятилетия в современные города.

Хрущевская оттепель ощутимо коснулась меня на работе в прокуратуре.

Началось массовое освобождение осужденных из лагерей по отбытию ими двух третей наказания. Мне приходилось участвовать в заседаниях судов, когда выходили на свободу военные и послевоенные особо опасные государственные преступники, изменники Родины, каратели, полицаи, приспешники фашистов. Как-то пришлось заниматься материалами по досрочному освобождению из лагеря одного из заключенных, выходца из западных областей Украины. Я впервые тогда узнал, кто такие бандеровцы. Освобождался бандит, который по заданию ОУН проник на службу в милицию и сопровождал из села в районный центр семейных местных призывников на службу в Советскую армию. По дороге он расстрелял их. Пытаясь избежать ответственности, ссылаясь на то, что в лесу на них напала вооруженная банда, он отстреливался и чудом остался живым. Криминалистическая экспертиза показала, что все молодые призывники были убиты из автомата бандита. После войны с согласия Сталина была отменена смертная казнь, и этот убийца, отбыв небольшой срок, вышел на свободу.

Среди расследованных рядовых и сложных уголовных дел вспоминается такой эпизод. Я тогда только начинал работать районным следователем, когда в пригороде Кемерово было совершено преступление: женщина средних лет отсекла топором голову спящему мужу. Вместе с коллегами из милиции я осматривал место кошмарного происшествия и столкнулся с жуткой действительностью. На допросе арестованная женщина подробно рассказала о своей горестной жизни, тяжелом труде в годы войны, пьянстве и постоянных деспотических выходках мужа, давно возникших у нее намерениях его убийства как единственного способа избавиться от невыносимых издевательств. Показания этой несчастной женщины настолько потрясли меня (тогда 22-летнего следователя), что официальные протоколы допросов и другие процессуальные документы я оформил таким образом, чтобы можно было квалифицировать ее, безусловно, умышленные действия как убийство в состоянии аффекта, внезапно возникшего сильного душевного волнения. Преступница долго заучивала «собственные» показания, составленные мною. Я сам выступил в качестве прокурора, когда дело слушалось в народном суде, и просил определить обвиняемой условную меру наказания, с чем согласились народные судьи. Слухи об освобождении от тюрьмы и мягком приговоре суда распространились в городе, привлекли повышенное общественное внимание, в частности тем, что со ссылкой на этот прецедент некоторые женщины не побоялись угрожать своим «любимым» мужьям аналогичной расправой.

Спустя год с небольшим состоялось повышение в должности – назначение старшим следователем облпрокуратуры. При прокуроре области в тот период было шесть или семь таких следователей, которым поручалось расследование особо важных и сложных уголовных дел. В этой должности проработал два года. Находясь месяцами в постоянных командировках, расследовал несколько непростых уголовных дел: гибель шахтеров на шахте 5/7 в Анжеро-Судженске, которая произошла в день выполнения ими взятых рекордных обязательств в честь открытия очередного съезда КПСС; пожар на элеваторе в районном центре Ижморке, уничтоживший урожай всего района; хищения в системе Кемеровского горплодоовощторга, где число

обвиняемых было около 50 человек, а составленное мною обвинительное заключение зачитывалось в суде в течение нескольких дней.

В городе Прокопьевске у меня в производстве находилось уголовное дело о крупном хищении денежных средств на городской станции переливания крови. Вместе с областным прокурором докладывал первому секретарю обкома КПСС А. Ф. Ештокину о ходе расследования. Доклад был не совсем обычный; интерес партийных органов проявлялся в связи с намеряемым привлечением к уголовной ответственности должностных лиц из руководства города. Секретарь обкома остался доволен, рекомендовал мне проявлять принципиальность, выводить всех на чистую воду за причастность к преступным действиям, независимо от занимаемых высших руководящих постов. Узнав, что я являюсь комсомольцем, шутливо заметил: «Расследование по делу идет хорошо, но есть один серьезный недостаток: уж больно молод старший следователь». Это было мое последнее уголовное дело, расследованное в органах прокуратуры.

В те годы я активно участвовал в общественной и комсомольской работе, выступал в трудовых коллективах, рабочих общежитиях по проблемам борьбы с преступностью, пропаганде действующих законов, участвовал в инструктаже входивших в моду народных дружин и комсомольских оперативных отрядов. Это было замечено, и мне неожиданно поступило предложение возглавить кемеровский комсомол, стать первым секретарем горкома. С трудом я отказался от открывающейся комсомольской карьеры; помогло то, что должность предусматривала членство в КПСС. Тогда я близко познакомился со вторым секретарем Кемеровского обкома ВЛКСМ Валерием Рак-Рачек, ставшим на все годы моим коллегой по службе в КГБ и одним из самых доверенных и надежных друзей.

Неожиданно меня пригласили в Кемеровское управление КГБ. Работник отдела кадров сообщил, что из Томска поступили материалы моего личного дела, я зачисляюсь в резерв КГБ. Предложили пройти оперативную подготовку на курсах в Минской школе КГБ СССР, на что я дал согласие. Когда встал вопрос об увольнении из прокуратуры, то возразил прокурор Кемеровской области, ссылаясь на то, что я оформлен молодым специалистом, поэтому должен отработать положенные по закону три года. Спорить с прокурором области не стали, мои мечты стать разведчиком снова не состоялись. Я очутился заложником закона, согласно которому молодые специалисты ставились в особое положение.

Когда закончился трехлетний стаж работы в прокуратуре, то по решению обкома КПСС в феврале 1963 года меня перевели в управление КГБ сразу на должность старшего следователя. Я попросился на оперативную работу с понижением в должности. Выслуга лет и три звездочки за прокурорское звание при переходе в КГБ не учитывались, начинать приходилось с белого листа.

КГБ СССР в те годы возглавлял В. Е. Семичастный, проводивший линию на повышение авторитета органов, обновление кадров, устранение последствий культа личности и репрессий. Он подчеркивал, что дал себе клятву: «не допущу ни на йоту» того, что практиковалось в сталинские времена.

В ставшем родным для меня коллективе сотрудников Кемеровского управления начинал все сначала – с должности рядового оперативного уполномоченного в звании младшего лейтенанта. Моя последующая служебная деятельность, начавшаяся с третьего захода, все помыслы и поступки на протяжении тридцати лет были посвящены выполнению исключительных задач – обеспечению государственной безопасности страны.

Основным направлением, которым я стал заниматься в начале своей оперативной работы, было изучение политических процессов среди творческой интеллигенции и в высших учебных заведениях города Кемерово. В дальнейшем мне исключительно повезло. В управлении создавался участок чекистской работы по линии разведки – святая святых советской нелегальной спецслужбы. Выполнять эти задачи должен был один оперативный работник (подразделения разведки в областном управлении не было) со знанием иностранного языка, меж-

дународного права, законодательства о гражданстве иностранных государств, а также с умением подбора кандидатов в разведчики-нелегалы.

В своей работе я замыкался непосредственно на Москву, на отдел, который возглавлял тогда легендарный чекист Павел Георгиевич Громушкин. Его отдел занимался выработкой легенд для советских нелегалов и документированием их жизни за границей. По изготовленным на Лубянке отделом Громушкина немецким документам известный советский разведчик Николай Кузнецов в годы войны вживался в образ обер-лейтенанта Пауля Зиберта. В 1948 году плодами труда Громушкина воспользовался знаменитый разведчик Абель, который прожил в США по таким гражданским документам более десяти лет.

Руководивший советской нелегальной разведкой в 1979-1991 годах Юрий Иванович Дроздов отмечал, что благодаря сотрудникам отдела Громушкина не было ни единого провала. Однажды в руки иностранной спецслужбы попали изготовленные Громушкиным документы. Они были отданы на экспертизу, которая подтвердила: документы подлинные, только никак не можем найти, когда они выдавались.

Громушкин – замечательный специалист, признанный художник, который создал галерею портретов разведчиков. Из-за секретности его творчество не афишировалось, хотя ему было присвоено почетное звание заслуженного работника культуры России. В 2008 году в Службе внешней разведки была открыта персональная выставка картин Павла Георгиевича, на ней я встретил ветерана спецслужбы, оставившего памятный след в моей жизни.

У меня все шло хорошо. По одной оперативной разработке, проведенной мною, из центра пришла невероятная для молодого сотрудника оценка: заслуживает представления к званию почетного сотрудника КГБ СССР.

Начальник управления Владислав Иванович Алешин лично помогал мне своими советами. Ранее он руководил в Туркмении организацией разведывательной работы, в том числе и по нелегальной линии. Пригласив меня к себе, ознакомил с документом, присланным из КГБ СССР, и с присущим ему юмором сказал: «Похвалу заслужил, а звание почетного сотрудника получишь после того, как им станет начальник управления». Спустя некоторое время Владислав Иванович принял в отношении меня другое невероятное решение: назначил заместителем начальника недавно созданного 5-го отдела по борьбе с идеологическими диверсиями спецслужб противника.

После моего отъезда из Кемерова работу по линии нелегальной разведки продолжал молодой чекист Александр Ковыгин, добившийся исключительных успехов. И к концу своей службы он, генерал-майор, станет одним из заместителей начальника советской нелегальной разведки.

Часть вторая

Госбезопасность – это верность долгу

Глава первая

На фронтах «холодной войны»

В 1974 году в моей жизни произошла знаменательная перемена. Состоялся вызов в Москву, прием в поздний вечерний час у Филиппа Денисовича Бобкова, начальника 5-го управления КГБ СССР. Поступило предложение перейти на работу в центральный аппарат Комитета. Перед тем как уезжать на собеседование в Москву, я посоветовался с начальником управления Алешиным, можно ли мне отказаться от назначения. Я не горел желанием покидать Кемерово, где у меня все складывалось хорошо – и на службе, и в семье. В завершении беседы решили, что лучше всего сослаться на обком партии, возражающий против утечки молодых кадров из Кузбасса.

Я впервые видел Филиппа Денисовича, который был известен, без преувеличения, всему чекистскому коллективу страны. Спустя годы, находясь в союзных республиках, в каждой из них я проводил своеобразный опрос, предлагая своим коллегам из территориальных органов назвать пять первых руководителей КГБ СССР. Желанный ответ не всегда получался, назывались имена двух-трех союзных руководителей: естественно, председателя КГБ, а вторым по счету непременно упоминался Бобков.

Беседа с начальником 5-го управления оказалась интересной. Листая страницы моего личного дела, он показал глубокое знание Кузбасса. Я же, к сожалению, мало интересовался его биографией. К примеру, не знал, что во время Отечественной войны эвакуированный из Донбасса Филипп Бобков окончил среднюю школу в городе Ленинск-Кузнецком и до ухода добровольцем в сибирские дивизии работал секретарем горкома комсомола. Это в шестнадцать-то лет! В это время и примерно в таком же возрасте на ответственной комсомольской работе в Кузбассе находился и В. Семичастный, будущий председатель КГБ СССР.

Я отказывался от выгодного предложения, ссылаясь на малый опыт (десять лет), что могу не справиться с ответственной работой в центре. Ответ меня поразил: «Не справишься – отправим назад, в родную тебе Сибирь. Но твой кругозор все равно расширится, если ты только узнаешь, к кому из руководства какая дверь и зачем открывается». И он был совершенно прав. Не зная, где находится дверь столовой в огромном здании на Лубянке, я целый день был голодным. Бобкову надоело меня убеждать и на заранее подготовленный, как мне казалось, убедительный аргумент о возражении Кемеровского обкома партии он в сердцах произнес: «Вопрос твоего перевода мы не собираемся решать через ЦК партии». Он и здесь был прав: подобных мне «ценных» кадров в Москве без сибиряков было хоть пруд пруди.

Многому я старался научиться у Бобкова, ставшего моим непосредственным руководителем, куратором 2-го отдела, куда меня определили начальником отделения из тринадцати человек, где я оказался самым молодым по возрасту и самым младшим по званию – майором. У Бобкова всегда присутствовали знание глубины рассматриваемой проблемы, ясность мысли, четкость в постановке задач, исключительное владение оперативной обстановкой в любом регионе страны. Сама судьба подарила нам, сотрудникам «пятерки», такого умелого учителя.

В течение десяти лет моя оперативная работа – от начальника отделения до заместителя начальника управления – проходила в критикуемом, шельмуемом, нелюбимом прежними антисоветчиками и нынешними либерал-демократами 5-м управлении КГБ СССР. Моими

основными обязанностями стали проблемы межнациональных отношений, борьбы с национализмом, вскрытие и пресечение враждебных акций, проводимых западными спецслужбами против СССР.

2-й отдел осуществлял разработку (совместно с разведкой) враждебных стране зарубежных, националистических и эмигрантских центров. Вместе с республиканскими органами КГБ он организовывал работу по пресечению возникавших в СССР явлений экстремизма, терроризма и сепаратизма на национальной почве. Мой вечно раздражающий, видимый не всегда, но постоянный противник – национализм во всех его проявлениях и окрасках – являлся той силой, в нелегкой борьбе с которой сломали себе шею многие могучие интернационалисты. Сотрудники отдела хорошо владели обстановкой в нашей многонациональной стране, контролировали наиболее серьезные негативные процессы, имевшие националистическую подоплеку, вели оперативные разработки лидеров набиравшего силу национально-освободительного движения. В течение пяти лет я возглавлял 2-й отдел, в котором работало уже до 30 офицеров, представляющих 12 национальностей. Первокласных специалистов-украинцев оказалось в отделе большинство (В. Шевчук, П. Подгайный, П. Романенко, А. Антощенко, М. Цуркан, Г. Еременко, В. Боржемский, Ю. Балас). Помимо украинцев в отделе были представлены и другие национальности, в частности грузин Д. Поцхверия, туркмен Бабаев, якут В. Гуляев, таджик А. Нигматов, литовец Валуцкас. Каждый из них – яркий представитель своего народа.

Мой подчиненный полтавчанин П. Подгайный обращал внимание, что я не чурался украинства, тянулся ко всему украинскому, подчас пытался, как бы шутя, говорить на языке своих предков. Литовец Эдуардас Эйсмунтас шутливо заметил, что по таким признакам меня легко можно записать и в литовские националисты, так как я интересовался литовской историей и литературой, употреблял в разговоре несколько фраз на литовском языке. Я действительно хорошо знал оперсостав в союзных республиках, старался изучать их обычаи, особенности языка.

Отдел был сильным, сплоченным, высокопрофессиональным, мобильным. Не случайно мои заместители сделали достойную служебную карьеру: Эдуардас Эйсмунтас стал председателем КГБ Литовской ССР; Валерий Лебедев – заместителем председателя КГБ СССР; Анатолий Шиверских – начальником Смоленского управления КГБ. Начальники отделений также имели значительный карьерный рост: Владимир Шевчук впоследствии возглавлял на Украине Волынское управление

КГБ и инспекцию при председателе КГБ Украинской ССР; Петр Романенко направлялся в представительство КГБ СССР в одну из зарубежных стран; Петр Подгайный – начальник 5-го управления КГБ Украинской ССР; Константин Дианов возглавил самостоятельный отдел КГБ СССР; генерал-лейтенант Владимир Левин был управляющим делами ФСБ России.

В должности заместителя начальника 5-го управления в мои обязанности входила организация работы всех 5-х подразделений страны по борьбе с идеологическими диверсиями. Масштабы стали более широкими, чем пресечение активного национализма. Главная задача – довести установки и требования руководства КГБ до исполнителей в борьбе с идеологическими диверсиями спецслужб враждебных СССР империалистических государств. Тогда мы называли их установками Андропова. Лично я знал их наизусть, как верующий произносит «Отче наш». Мы должны были не позволять вовлечение отдельных советских граждан в антиконституционную, противоправную деятельность и бороться за каждого человека, попавшего под враждебное влияние и оказывавшегося в беде. Если не удавалось предупредить преступление, дело доходило до суда. А это уже рассматривалось как брак в чекистской работе.

В депутатском интервью журналисту Леониду Млечину в 1989 году («Новое время», № 27) я подвел промежуточный итог своей службы: «В органах государственной безопасности начинал в период хрущевской оттепели. Мое поколение сотрудников КГБ воспитывалось в духе героических традиций, заложенных при создании спецслужб Владимиром Ильичем Лени-

ным и Феликсом Эдмундовичем Дзержинским. С полной уверенностью могу сказать, что я и мои коллеги не имели ничего общего с репрессивной организацией, которая участвовала в беззаконии в годы культа личности Иосифа Виссарионовича Сталина. Мы мундиры инквизиторов из НКВД не примеряли».

Кроме того, половина моей службы пришлась на период школы Юрия Владимировича Андропова. В среде сотрудников КГБ укоренялся вдумчивый, гуманистический, политически выверенный подход к методам деятельности, воспитывалось строгое законопослушание.

Что представляло собой 5-е управление? Любое государство призвано обеспечивать свою внутреннюю безопасность, защищать конституционный строй, гражданское общество от враждебного воздействия.

Со времен Гражданской войны в рамках органов госбезопасности функционировали секретно-политические отделы, занимавшиеся внутренними проблемами: они контролировали сторонников эксплуататорских классов, остатки ликвидированных политических партий, их контакты с белоэмигрантскими, буржуазно-националистическими, террористическими зарубежными центрами. Можно сказать, что осуществлялся традиционный бессмертный политический сыск. Но в последние годы он занимал меньшее значение, чем масштабы контрразведывательной деятельности КГБ по пресечению идеологических диверсий на фронтах «холодной войны». Иностранные спецслужбы не скрывали, что ведущаяся психологическая война является чрезвычайно важным оружием для содействия диссидентству и предательству среди определенной категории советских граждан; она способна подорвать социалистическую мораль, нравственные основы общества, привести к идеологической эрозии и спровоцировать разрушение защитных инстинктов страны.

Особую опасность представляли националистические центры, которые в годы горбачевской перестройки были использованы западными спецслужбами для разжигания идеологии национализма, межнациональной розни на территории союзных республик.

Спецслужбы зарубежных стран втягивали органы КГБ в затяжную идеологическую борьбу, применяя весь спектр присущих им силовых методов и форм деятельности.

В годы руководства КГБ СССР Андроповым и Чебриковым утверждалось, что источники основных угроз безопасности страны находились за ее пределами. Зарубежные спецслужбы сделали все для того, чтобы перенести на территорию нашей страны методы «холодной войны», делая ставку на подрыв изнутри основ политического и экономического строя.

Сотрудники 5-х подразделений проводили политический анализ сложившегося положения, изучали причины возникновения вредных последствий деятельности идеологических противников, осуществляли контроль и пресечение негативных процессов в стране. Основное место в брежневско-андроповские годы занимали не репрессии, а локализация, разложение и раскол возникающих группировок, компрометация их вдохновителей, отрыв от них политически незрелых, явно заблуждающихся лиц.

Антиобщественные элементы прикрывали свою деятельность фразеологией правозащитников, рядились в шкуру патриотов, борцов с последствиями культа личности, радетелей расширения демократии и возврата к истинно социалистическим ценностям. Они высказывали несогласие с существующим строем в нашей стране, национальной политикой и линией партии в вопросах свободы творчества, настаивали на необходимости перестройки социалистического общества по образцу буржуазных демократий, стимулировали эмиграционные настроения.

Контрразведывательную работу по срыву идеологических диверсий органы КГБ вели в тех случаях, когда подрывные акции осуществлялись против советского государства с участием спецслужб противника, использующих специальные формы и методы. Велась непримиримая «холодная война», а это значило, что с нами сражался вышколенный, умеющий думать противник.

Историки не без основания считают, что «холодная война» началась сразу же после окончания Великой Отечественной войны с выступления в 1946 году английского премьера У. Черчилля в военном колледже в Фултоне. И. Сталин в ответах корреспонденту «Правды» расценивал эту речь как «опасный акт», «нечто вроде ультиматума: признайте наше господство добровольно, в противном случае возможна война». И она началась – «холодная» попеременно с американской агрессией на разных континентах нашей планеты.

Спецслужбы империалистических государств посылали своим единомышленникам в СССР такие директивы: «Используйте в своих интересах отдельные политические моменты, которые несут в себе происходящие перемены: расширение гласности, критики и самокритики, более жесткий контроль за соблюдением законности, обеспечением прав человека и т. п.

Генеральное направление борьбы есть наступательные действия, в которые необходимо вовлекать широкие круги различных слоев народа, прибегая от простейших к более сложным формам борьбы. Каждому социальному бунту или недовольству необходимо немедленно придавать национальный характер. Национально-политические цели должны быть доминирующими мотивами, даже если первопричина была не в этом».

После смерти Сталина происходил коренной поворот в карательной политике государства. Хрущев, заявляя об отсутствии политических заключенных в стране, одновременно ставил вопрос: «Как же быть с теми, кто высказывает свое, отличное от других, мнение? Мы стоим за то, чтобы в таких случаях применялись не репрессии, а ленинские методы убеждения и разъяснения». Правда, к концу хрущевской оттепели автократизм и волюнтаризм нового вождя проявились в такой степени, что сотрудников КГБ призывали не только вылавливать явных антисоветчиков, но и собирать информацию о распространителях политически вредных измышлений, любителях анекдотов, примерно таких: «Успехи колхозного сельского хозяйства таковы, что посевную ведут в СССР, а урожай собирают в Канаде». К счастью, такая практика была короткой. Она исчезла сама собой, когда у власти не стало Хрущева.

Следует сказать о некоторой закономерности: при очередной смене лидера КПСС органы КГБ подвергались обязательной критике, дискриминации и смене руководства. Чем больше выливалось грязи на структуры Комитета, тем сильнее вождь укреплял свои позиции. В итоге все возвращалось на круги своя, к традиционному стремлению обязать органы работать под диктовку верховной военной власти.

Свое руководство КГБ СССР Андропов начинал с образования самостоятельного 5-го управления, ставшего головным подразделением в системе органов госбезопасности по борьбе с идеологическими диверсиями. Он понимал, что влияние противника на умы и души советских людей, идейная эрозия в духовной сфере смертельно опасны для страны.

С позиции прошедших лет сейчас отчетливо представляется главенствующая роль сотрудников управления, которое в годы «холодной войны» занималось внешними и внутренними проблемами, грозящими расшатать основы социалистического строя. Советские люди в реальной жизни сталкивались не с разведкой или контрразведкой, а в большей мере с террором, массовыми беспорядками, всякими зарубежными НТС, ОУН, дашнакцутюн и проч., тревогами по «пятой линии», сотрудники которой видели жизнь не из окон Лубянки.

После XX съезда партии, разоблачения культа личности органы КГБ становились на путь строгого соблюдения законности. Но в то же время в действующем уголовном кодексе страны вплоть до 1989 года предусматривалась уголовная ответственность за антисоветскую агитацию и пропаганду. Кроме того, к лишению свободы приговаривались и за клевету на существующий государственный и общественный строй. Диспозиции указанных статей были нечеткими, давали возможность относить к антисоветским или клеветническим разнообразные высказывания, проявления и действия. Предоставлялся широкий простор субъективности в судебных приговорах, зачастую порождавших преследование конкретных лиц за несогласие с государственным строем, критику административно-бюрократической системы.

Надо признать, что еще до устранения статьи УК «Антисоветская агитация и пропаганда» практика ее применения в стране постоянно снижалась. На протяжении 1956–1966 годов по этой статье было осуждено 676, с 1966 по 1970 год – 295, в 1981–1985 годах – 150 человек. На Украине с 1987 года, в последние годы Советской власти, не было случаев привлечения граждан к уголовной ответственности за антисоветскую агитацию и пропаганду. Это явление – результат демократических преобразований нашего общества, существенного изменения в годы горбачевской перестройки карательной политики Коммунистической партии и органов госбезопасности.

Необъективность критиков КГБ состояла в том, что чекисты вынуждены были действовать, руководствуясь недемократическими законами. На Съезде народных депутатов СССР я сам голосовал за то, чтобы была отменена злополучная статья Уголовного кодекса «Антисоветская агитация и пропаганда». Политика горбачевской перестройки привела к тому, что общество поняло абсурдность подобного рода законодательных актов.

Возникает вопрос: а кто эту статью вводил? При какой системе? Это нынче мы можем задавать подобные вопросы. Но не сбрасывайте со счетов, что КГБ и другие правоохранительные органы должны были работать на основе существующих законодательных актов, строго их исполнять. Я не сторонник обелять все и всех подряд, но считаю неверным утверждение о том, что во всех нарушениях законности в стране виноватыми оказывались органы безопасности.

Недавно в судопроизводство была введена уголовная ответственность за различные формы экстремизма. Действительность такова, что многие действия властей, чиновников, журналистов трактуются как экстремистские из-за размытого, сомнительного понятия экстремизма. Поверьте моему профессиональному чутью: применение этих норм Уголовного кодекса принесет больше несчастий, чем существовавшая ответственность за клевету на советский государственный и общественный строй.

Пресечение антисоветской деятельности при Брежневе, Семичастном и Андропове путем арестов и привлечения к уголовной ответственности допускалось в незначительных масштабах. Андропов называл «правильной» карательную политику советского государства, в которой доминирующую роль стали играть предупредительные меры. Не отправлять в тюрьмы и лагеря, а переубеждать, перевоспитывать, но уголовное наказание применять как вынужденную и крайнюю меру. Думается, что можно считать положительным такой результат, когда из 15 580 человек, прошедших профилактические воздействия в органах КГБ по всей стране в 1978 году, проявили рецидив около ста, да и те не попали на скамью подсудимых.

Помню свое первое соприкосновение с практической профилактикой конкретного лица буквально через месяц после прихода на службу в КГБ. Заместитель начальника Кемеровского управления Юрий Сторожев попросил на время его отсутствия побыть в кабинете с вызванным в КГБ доктором наук, профессором политэкономии, присланным из Москвы на работу в Кемеровский политехнический институт. За ним последовали несколько томов оперативного дела. Ознакомившись с ними, было решено прекратить разработку его дела, а самого профессора убедить в ошибочности его политических взглядов. Но как ни старался Сторожев, тот не сдавался, хотя ему уже грозно зачитывали конкретные статьи Уголовного кодекса. Когда я вошел в кабинет, профессор воскликнул: «Что, и прокурор уже здесь?» Оказывается, он раньше видел меня в прокуратуре. Сторожев вышел, а я продолжил разговор с профессором, в завершении которого он сказал: «Дайте мне бумагу, я напишу заявление, что не буду в будущем выступать с антипартийных позиций...»

Профилактика считалась успешной, если объект отказывался от своих ошибочных убеждений и раскаивался в совершенных им действиях.

Почему я вспоминаю этот курьезный эпизод? В моей практике были примеры предупредительного воздействия на опасных для общества лиц. Я хочу подтвердить, что идея Андропова о проведении профилактических действий в те годы спасла от уголовного наказания

тысячи людей. В области борьбы с идеологическими диверсиями противника профилактика стала основным методом предотвращения и пресечения антигосударственных проявлений.

Андропов выступал как подлинный реформатор органов государственной безопасности, за что некоторые критики упрекали КГБ при нем в либерализме. Юрий Владимирович строго предупреждал: «Недооценивать идеологические диверсии нельзя. Враждебные разведки пытаются использовать наши слабые стороны и будут искать опору в тех слоях населения, которые могут оказаться благоприятной средой для проведения подрывной деятельности». При нем не скрывалось, что в стране имелись случаи антигосударственных преступлений. Ставились задачи не допустить формирования антисоветского подполья, расширения оппозиционной деятельности против КПСС и советского правительства.

Об ожесточенной «холодной войне» может свидетельствовать такой любопытный эпизод. Я срочно выехал в командировку в Литовскую ССР, где в одном небольшом городке в огромном количестве были распространены листовки антисоветского содержания. Остроту произошедшему придавало то, что наводнение листовками произошло в день рождения Леонида Брежнева, при этом отмечалась необычность их исполнения – фотографирование машинописного текста. Изучая облик вероятного исполнителя, эксперты-криминалисты определили, что автором листовки мог быть человек с высшим образованием, историческим или философским, имеющий ученую степень не ниже кандидата наук. В конечном итоге выяснилось, что содержание листовки было взято из Отчетного доклада ЦК на прошедшем съезде КПСС. Создатель подделки умело использовал партийный документ, в котором говорилось об агрессивной политике США, угнетении рабочего класса, нарушении демократических прав населения, заменив в нем только одно слово: «США» на «СССР». Злоумышленником оказался отбывший уголовное наказание участник банды «лесных братьев». Он был внедрен в органы милиции, передавал бандитам сведения о готовящихся против них операциях. Когда почувствовал угрозу разоблачения, поджег здание милиции и ушел в банду. Это был некий Яшкунас. Сколько лет прошло, а я все помню его фамилию.

Работа сотрудников 2-го отдела ориентировалась на перехват нелегальных каналов западных спецслужб и националистических центров со связями внутри нашей страны, на предупреждение и своевременное пресечение террористических и сепаратистских акций в союзных и автономных республиках. В целях перехвата и контроля нелегальных каналов проникновения противника в нашу страну завязывались оперативные игры с главарями закордонных центров ОУН, лидерами реакционной прибалтийской эмиграции. Оперативные игры – это единичные, долговременные контрразведывательные операции, требующие от работников высокого профессионального мастерства, умения претворять в жизнь созданные легенды и доводить до зарубежных спецслужб «оперативно выгодную информацию и дезинформацию».

Мне довелось принимать участие в организации оперативной операции против реакционной прибалтийской эмиграции, в рядах которой оказалось значительное число бежавших с немцами местных эсэсовцев и фашистских пособников. В ходе оперативной игры, наряду с задачами по сбору информации о внутрисполитической обстановке в советской Латвии, зарубежный центр дал задание своему «единомышленнику» собрать для публикации в эмигрантской прессе анекдоты о Брежневе. Естественно, «наверху» было запрещено передавать на Запад «нашими руками» подобную информацию. С председателем КГБ Латвийской ССР Борисом Карловичем Пуго мы договорились нарушить этот запрет, и несколько безобидных анекдотов ушло за рубеж. Пуго обещал, что в случае осложнений он полностью возьмет вину на себя. Позднее выяснилось, что это было проверочное задание нашему внедренному источнику, не работает ли он под диктовку. После выполненного задания ему полностью стали доверять.

КГБ Украины наиболее умело вел оперативные игры со спецслужбами, зарубежными оуновскими центрами.

Я вспоминаю свой первый приезд в 1975 году во Львов, где с польскими коллегами разрабатывались совместные мероприятия по ведущейся оперативной игре «Бумеранг». Пока польским коллегам показывали достопримечательности города и ювелирные магазины, я вместе с сотрудниками управления КГБ Головатым и Граком готовил план соответствующих оперативных действий. Начальник Львовского управления Николай Петрович Полудень на совещании похвалил составленный оперативный план, особо выделив наших украинских «хлопцев», которые «працюють» в Москве и хорошо помогают в выработке серьезных мероприятий.

– Кого вы имеете в виду из украинских парней в Москве? Если меня, то я впервые на территории Украины, – сказал я.

– А видкиля же Вы?

– Выходец из Казахстана, родился в Кокчетавской области.

Н. Полудень подошел ко мне и обнял:

– Боже мой, а я ведь кустанайский.

Необходимое отступление

Разрабатывая во Львове план работы по «Бумерангу», я тогда не мог предположить, что по моему предложению ведущаяся совместно с польскими спецслужбами оперативная игра в сентябре 1989 года будет завершена.

В Киеве Министерством иностранных дел и Союзом журналистов Украины была организована пресс-конференция, на которой выступили сотрудники спецслужб Украины и ПНР, раскрывшие подрывные замыслы спецслужб и закордонных частей ОУН против наших стран. Вместе с польскими и украинскими коллегами я участвовал в разработке основных легенд, определении линии поведения подставленной агентуры. Мы пришли к выводу, что в современных условиях в западных спецслужбах, центрах ОУН нецелесообразно создавать видимость наличия, хотя бы локального, националистического формирования на территориях Польши и Украины.

Активный функционер ОУН по кличке Адам, гражданин ПНР украинского происхождения, родственник ликвидированного командующего УПА Шухевича, от одного из лидеров бандеровцев получил в Великобритании задание разыскать во Львове доктора Святослава Панчишина и привлечь к тайному сотрудничеству. Выбор ОУН Панчишина был объясним. Родом он из интеллигентной семьи, известной в Галиции, окончил Венский университет. Его дядя, профессор медицины, избирался в 1939 году депутатом Верховного совета СССР, а в 1941 году вошел в состав созданного ОУН правительства Украины. Сам Панчишин подвергался националистической обработке и был тщательно проверен через эмиссаров зарубежных организаций украинских националистов. С согласия КГБ он стал легендировать патриотическую деятельность, работая под непосредственным руководством главаря службы безопасности ОУН за кордоном.

Панчишин получил необходимые инструкции о конспиративных мерах, подставные адреса на Западе, средства тайнописи для связи с центром, микроаппарат для фотографирования и другие технические и финансовые средства для своей деятельности. От него требовали поиска единомышленников, обработки населения Украины в националистическом духе, призыва к выступлениям против власти. Были поручения и разведывательного характера: собирать информацию о дислокации родов войск, видах вооружения и местах расположения стратегических ракет.

Легенда о действующей на Украине подпольной группе была реализована профессионально: за заслуги «Адам» был награжден бандеровцами «золотым крестом» и вошел в руководящие звенья зарубежной ОУН. Не обошли награды и Панчишина. Он был назначен председателем «Верховного суда ОУН на Украине», получил «золотой крест заслуги» и медаль С. Бандеры.

От внедренной агентуры требовалась особая личная безопасность, умная и осторожная линия ежеминутного поведения, высокая самодисциплина, ибо любое малейшее нарушение созданного облика оуновца могло вызвать не только подозрение, но и грозило полным провалом, ведущим к роковым последствиям для жизни. В ходе активных оперативных действий в рамках операции «Бумеранг» на Украине и ПНР было выявлено и разоблачено свыше 20 оуновских эмиссаров из числа граждан США, Англии, ФРГ, Франции. Перехватывались тайнопись, технические и финансовые средства, направляемые в республику для созданной группы «преступных элементов». От зарубежных националистов была получена информация об устремлениях их верхушки, деятельности против социалистических стран с помощью и за спиной американских и английских спецслужб. И, что особенно важно, осуществлялся контроль за подрывными действиями бандеровцев и происходило отвлечение их усилий на лжепозиции.

Когда в 1978 году я был назначен начальником отдела, то подготовил обобщенную записку о националистических проявлениях в стране. Бобков направил этот документ Андропову. Спустя какое-то время я был вызван к председателю КГБ СССР. До этого случая я видел Андропова не более двух раз в президиумах высоких совещаний. Состоялся запоминающийся разговор:

– Вы автор документа? (Справка была подписана мною.) Кому нужны такие материалы на более чем двадцати страницах?

– Справка подготовлена для оценки обстановки по линии работы отдела, – ответил я, внутренне готовясь к критике документа после такого строгого вопроса.

Андропов, видимо, отметив мое волнение, уже смягчил свою интонацию и сказал, что записка в целом ему понравилась, но он не может направить ее в ЦК:

– Там такие громоздкие документы не читают. Можете ли Вы сделать два-три документа для ЦК КПСС? К примеру: о националистических процессах в Украине, в республиках Прибалтики, в кавказских и среднеазиатских республиках. Каждый из них не должен быть более трех страниц.

Вскоре ЦК получило такую информацию по проблемам национализма в стране за подписью Андропова.

В январе 1977 года Москва была потрясена тремя взрывами в метро и в центре города, рядом с Лубянской. Было заведено оперативное дело «Взрывники», о расследовании которого теперь широко известно. На розыск террористов задействовались силы КГБ: контрразведка, 5-е управление, многие территориальные органы. Был проведен огромный комплекс мероприятий, которые способствовали задержанию и разоблачению преступников. Ими оказались трое армянских националистов во главе с ранее судимым Затикианом. При обыске у них были обнаружены вещественные доказательства, да и на суде обвиняемые не скрывали своих преступных действий.

В ходе проведения следствия я длительное время находился в Ереване. В книжном магазине приобрел учебник для старших классов «История армянского народа». Как прилежный ученик, ознакомился с его содержанием и узнал историю создания и деятельности революционных националистических партий – дашнаков, рамкаваров и других, их программные установки, методы деятельности против царской и советской власти, содержание листовок антирусской направленности. Почерпнул для себя много нового. К примеру, оказывается, молодежная организация в городе Краснодоне «Молодая гвардия» в годы Отечественной войны была создана Жорой Арутюняном и Зоей Пехливян. Фамилии истинных героев-молодогвардейцев не упоминались. Преподносимая ученикам трактовка исторических событий приводила к соответствующим выводам.

Я подготовил анализ содержания учебника с антирусской, националистической трактовкой некоторых исторических событий, на котором появилась подпись Андропова.

В 1977 году была принята брежневская Конституция СССР, которая зафиксировала построение в нашей стране «развитого социалистического общества», зарождение «новой исторической общности – советского народа».

Сотрудники 5-го управления столкнулись в декабре 1986 года с массовыми проявлениями национализма в Казахстане.

Проводили на пенсию Динмухамеда Кунаева, который пользовался огромным авторитетом и популярностью среди населения республики. На пленуме ЦК Компартии Казахстана первым секретарем республики с благословения Москвы был избран Геннадий Колбин. Пленум проходил формально, всего около 20 минут, хотя освобождали от должности члена Политбюро ЦК КПСС, руководившего республикой в течение многих лет. Не всем было понятно и другое: почему руководителем Казахстана становился русский по национальности, до этого ничем не связанный с союзной республикой. После пленума на площади перед зданием ЦК стали собираться группы студенческой молодежи, а на следующий день, утром 17 декабря, число митингующих увеличилось до нескольких тысяч человек. Демонстранты выдвигали требования вернуть Кунаева или заменить назначенного на пост первого секретаря Колбина на казаха (назывались достойные партийные деятели: Назарбаев, Камалиденов, Ауэльбеков), соблюдать ленинскую национальную политику. Появились лозунги: «Каждой республике – свой вождь», «Ни одной нации – ни одной привилегии».

На начальном этапе развития событий не было антиконституционных действий, призывов к свержению государственного строя или каких-либо выпадов против других народов. Несмотря на это, власти дали команду блокировать площадь спецчастями внутренних войск, никого не выпускать и не впускать. Присутствие экипированных солдат резко осложнило обстановку: начались стычки хулиганов с военнослужащими и милицией, применялись с одной стороны дубинки, с другой – камни, арматура. Произошли массовые беспорядки с разгромом нескольких магазинов, поджогом автомашин.

Всю вину за происшедшее руководство республики стало возлагать на председателя КГБ Казахстана Мирошника, который якобы не придавал значения сведениям о намечаемых кознях кунаевских сторонников, чуть ли ни сознательно утаил от Колбина информацию о готовящихся выступлениях студентов. Кунаев категорически отвергал какие-либо обвинения в свой адрес, был готов выступить на митинге и разъяснить свою позицию в связи с уходом на пенсию.

Отголоски казахстанских событий самым неожиданным образом коснулись и меня во время моей избирательной кампании на Украине. На одной из встреч пожилой мужчина спросил меня, почему я не говорю на украинском языке, вот Колбин дал интервью центральной газете о том, что он уже через полгода освоил казахский язык. Я ответил, что в моем школьном аттестате стоит «отлично» по казахскому языку, и добавил:

– Можете подойти ко мне, я вам расскажу, за какой срок можно освоить язык тюркской группы. Колбин сообщил, что начал говорить по-казахски. Но он не сказал, что поет народные песни. Я все песни пою только на украинском. Хотите, спою «Розпрягайте, хлопці, коней» прямо с трибуны?

Я не ожидал, что сказанное вызовет поддержку зала и аплодисменты. Но самое примечательное в другом: после встречи ко мне подошел тот мужчина, по национальности немец, переселившийся из Казахстана, стал интересоваться моей биографией и выяснилось, что он жил в наших краях, прекрасно знал моего отца.

И в советские времена находились политики, которые не прочь были проявить свои национальные чувства путем унижения других народов, искажения их истории...

Среди автономных республик, особенно на Кавказе, не были решены территориальные вопросы, приводившие к конфликтам. Возникали распри между Арменией и Азербайджаном

в отношении проблем Нагорного Карабаха и Нахичевани, в Грузии – споры вокруг Абхазии и Южной Осетии. Среди абхазцев распространилось письмо двадцати шести с призывом выхода из состава Грузии и вхождения в Краснодарский край. Умиротворением этой проблемы занимались на уровне секретариата ЦК КПСС и руководства КГБ.

Проблемы в Средней Азии носили иной характер. Мне приходилось наблюдать межреспубликанские, национальные отношения, выражавшиеся в настоящих битвах за воду, когда перекрывались водные каналы из Киргизии в Узбекистан. В Таджикистане разразились столкновения на этнической основе.

В должности начальника 2-го отдела почти год я пробыл в Киргизии. Сотрудники центральных аппаратов КГБ, МВД и прокуратуры СССР вместе с местными правоохранительными органами занимались расследованием террористического акта, необычного, громкого для тех лет преступления – убийства в курортном поселке Чолпон-Ата на берегу озера Иссык-Куль председателя Совета министров республики Ибрагимова, его водителя – немца Фогеля, охранника – киргиза Конуратова. Раскрытие преступления стояло на контроле в ЦК КПСС. А в КГБ ежедневно следил за ходом расследования лично Андропов. Предположений было множество, от политических и националистических мотивов до такой экзотической версии: Ибрагимова могли проиграть в карты воры в законе, которые собрались на курорте в эти дни со всех уголков страны на крупные картежные игры. И все они проверялись основательно.

В республике распространялись провокационные слухи, что Ибрагимова могли убрать местные кланы в борьбе за власть накануне очередного съезда Коммунистической партии Киргизии, где его кандидатура могла пройти на должность первого секретаря ЦК. Ибрагимов действительно был уважаем в Киргизии. Выходец из беднейшей семьи, он получил высшее образование, стал авторитетным республиканским руководителем, воспитан в интернациональном духе, не был заражен местничеством и байскими замашками. Мне пришлось много раз встречаться с его женой Ревой Касимбаевной, умной и красивой женщиной. Родители дали ей необычное имя, ласково сокращенное от слова «революция» – такой нюанс многое означал для киргизской действительности советского периода. Семья по меркам того времени жила скромно. Достаточно отметить такую деталь: Ибрагимов имел собственный сапожный инструмент и сам в семье ремонтировал обувь.

Штаб по расследованию убийства располагался непосредственно в Чолпон-Ата, им руководил заместитель начальника 5-го управления Иван Павлович Абрамов, в годы перестройки назначенный заместителем генерального прокурора СССР. Я постоянно находился в столице Киргизии, был в составе большого коллектива из тринадцати оперативно-следственных групп, которые отработывали самостоятельные версии. Наиболее активными среди местных сотрудников были начальник отдела КГБ Киргизии Аскарбек Мамеев и начальник отделения Пак (имя не помню). Кореец исключительно скрупулезно вел разработку лиц, которые покинули Чолпон-Ата после происшествия. Среди разбежавшихся были и картежники. Из числа срочно выехавших из поселка обратили особое внимание на местного жителя Смагина, поведение которого проследили до Москвы. Причем были допрошены все пассажиры вагона поезда Фрунзе – Москва, которые общались с ним в пути, а также были установлены его связи в Москве. Подозрения в отношении Смагина отпали, так как по заключению дактилоскопической экспертизы смазанные отпечатки пальцев, оставленные убийцей на месте преступления, не совпадали с отпечатками подозреваемого. Не опознала его и Рева Касимбаевна, которая видела преступника, выходящего с оружием в руках из спальни расстрелянного мужа. Убийца ее не тронул, хотя они перебрались фразами. Отсюда возникли подозрения, что она может знать убийцу и по каким-то причинам не раскрывает его. Я отработывал эти деликатные детали следствия, поэтому часто встречался с вдовой. Конечно, я и виду не подавал, что осуществляю проверку этой версии.

Общеизвестно, что опасные преступления раскрываются по горячим следам или в ходе кропотливого труда и мастерства оперативных и следственных работников.

Сроки следствия затягивались на месяцы, вызывая недовольство московского руководства. Тяжело приходилось Абрамову. По его словам, Андропов упрекал нас в том, что «армия прикомандированных не может раскрыть преступления и проедает государственные средства». Абрамов изнурял себя и подчиненных сотрудников, работая до поздней ночи, без выходных. В результате напряженного труда с ним случился тяжелый инфаркт, и я выехал в Чолпон-Ата, чтобы доставить генерала в республиканский кардиологический центр, где он прошел длительный курс лечения. Абрамов отказался от реабилитации в Москве и выехал в Чолпон-Ата, чтобы продолжить работу по раскрытию преступления.

Во Фрунзе ко мне обратился молодой майор милиции Чернов, эксперт по дактилоскопии, который поделился своей догадкой: он считал, что есть некоторые признаки сходства отпечатков пальцев, оставленных преступником, со смагинскими. Как начинающий эксперт, он не осмелился говорить о своих выводах своему руководству, тем более опровергать официальное заключение старших, опытных специалистов. По совету Абрамова мы решили вместе с нашим оперативным работником отправить Чернова в Москву.

В столице были собраны самые квалифицированные эксперты страны. Комплексная дактилоскопическая экспертиза проводилась, по-моему, впервые с применением компьютерной графики, и комиссия сделала заключение о принадлежности отпечатков пальцев, оставленных на месте преступления, подозреваемому Смагину.

Следствие располагало типом оружия, из которого были убиты все погибшие. Такой карабин «Белка-3» имелся в семье Смагиных, но по показаниям отца оружие попало под колеса машины и пришло в негодность. Он демонстрировал его изогнутый ствол. Под давлением улик, особенно выводов дактилоскопической экспертизы, отец Смагина на допросах рассказал о подробностях совершенного сыном преступления, уничтожении одежды, в которой он был одет, бегстве его из поселка. Он сообщил, что кроме непригодного карабина у них имелся другой (тоже «Белка-3»), который был спрятан в поле после преступления, под мостиком протекающего арыка. При прочесывании местности солдатами было обнаружено орудие преступления.

Смагин-младший был объявлен во всесоюзный розыск. Через некоторое время в Самарской области в электричке, стоявшей в депо, был обнаружен труп человека, покончившего жизнь самоубийством. Им оказался Смагин. Он заметал следы, переезжал с одного места на другое, вел себя настороженно и даже внешне изменился до неузнаваемости.

Наше настроение было совершенно иным; преступник установлен, необходимо закрепить доказательства его вины и установить мотивы. Это было важно, чтобы снять разговоры в республике вокруг этих злодейских убийств. В это время в Киргизию приехал Филипп Денисович Бобков, заслушал наши доклады. Сами материалы составляли более сотни томов. При проведении дополнительного обыска в доме Смагиных была обнаружена старая школьная тетрадь, в которой несколькими годами ранее ученик 10-го класса Смагин на двух страницах описал преступление, близкое к реальному: «Я возьму винтовку и буду убивать киргизов...»

Во время проведения оперативно-розыскных мероприятий по расследованию убийств в Чолпон-Ата было раскрыто, так сказать попутно, около 70 уголовных преступлений в республике: хищений государственной собственности, мошенничества, разбоев, взяточничества. Заместителю начальника следственного отдела КГБ СССР генералу Леониду Ивановичу Баркову и мне была дана команда оставаться в Киргизии до завершения указанных уголовных дел и вынесения по ним судебных решений. Были опасения, что уголовные дела могут быть заволокичены, так как к некоторым преступлениям были причастны влиятельные в республике лица, вплоть до сына первого секретаря ЦК. К примеру, к уголовной ответственности за взяточничество был привлечен заместитель прокурора республики.

Московская бригада оперативников зафиксировала встречу прокурора с крупным расхитителем социалистической собственности. Что могло их, мирно беседующих на скамейке в парке, связывать между собой? Наш сотрудник, проходя мимо, как бы случайно бросил в урну около скамейки пустую пачку сигарет. Таким образом диктофон зафиксировал разговор между этими «приятелями»: прокурор требовал на порядок увеличить ежемесячное вознаграждение, мотивируя тем, что он повышен в должности до заместителя республиканского прокурора.

Обстановка в этой среднеазиатской республике была сложной. Внутренние противоречия затушевывались, чтобы не досаждать центру, создавалась иллюзия размеренной и благополучной жизни народа.

Прибывший в Киргизию на работу молодой специалист писал своим друзьям: «Преступление в Чолпан-Ата ужасное. Вы спрашиваете, сохранились ли в республике басмачи, которые были против советской власти? Конечно, их нет. Но если бы басмачи предвидели, какая в Киргизии будет установлена советская власть, они бы тогда с нею не боролись».

В 1989 году, в годы горбачевской перестройки, по решению партийных органов вместо 5-го управления в КГБ СССР было образовано управление по защите конституционного строя. Изменение функциональных задач происходило по решению директивных инстанций, отражало ход, а вернее шараханье из одной стороны в другую, политики горбачевской перестройки. Когда были реорганизованы эти направления работы, сразу же ощутилась неспособность государства противостоять международному терроризму. Работа против антисоветских и оппозиционно настроенных элементов проводилась, но не в соответствующих реальности масштабах. Недовольным властью лицам разрешалось выезжать за пределы страны.

Внутриполитическая обстановка в стране в период руководства КГБ Владимиром Крючковым существенно изменилась. Отмена конституционной монополии КПСС на власть в правовом отношении привела к утрате ею руководящей роли в обществе. Менялось законодательство по пресечению антигосударственных действий вместе с изменением в целом в стране идеологических ценностей и взглядов. Вследствие изменения политической обстановки, вместо довольно общей трактовки смысла идеологических диверсий усиление внимания к защите конституционного строя было совершенно обосновано. Поэтому соответствующее управление сосредоточивалось на задачах срыва попыток создания нелегальных оппозиционных группировок, предупреждения и пресечения террористических акций, массовых беспорядков, нейтрализации националистических проявлений. Особенно тревожили тенденции к обострению межнациональных отношений.

Полагаю, что в стране слишком запоздали с осознанием того, что националистические процессы были тесно связаны с ориентацией определенных кругов в союзных республиках, стремящихся не к расширению суверенитета, а к личному приходу к власти. В ход пошли террористические акции, взрывы, захваты заложников под знаком откровенного сепаратизма.

Задачи органам государственной безопасности ставились правильные. Но самым опасным в работе КГБ являлось отсутствие правового механизма разрешения возникающих проблем, последовательной и твердой линии воздействия на разрушительные процессы и нарушителей правопорядка.

По темпам ускоренного развития демократических процессов, от реализации широкой гласности вплоть до вседозволенности, пренебрежения законом мы опережали суровую действительность. Один из мыслителей периода Великой французской революции вывел универсальный закон: нет ничего опаснее для страны, где нет традиций демократии и свободы, чем слишком быстрые реформы. Как правило, в подобных случаях процесс реформ выходит из-под контроля. Это обуславливалось еще и тем, что в процессе революционного обновления советского общества спецслужбы капиталистических стран изменили свою стратегию, перевели подрывную деятельность против СССР на новую тактическую основу. Прикрываясь лозунгами

об утвердившейся демократизации, многопартийности и гласности, Запад начал осуществлять активную работу по созданию в стране оппозиционных к власти формирований. Основные замыслы направлялись на создание широкой легальной оппозиции, организующей подрывные акции в верхних эшелонах власти, в том числе с использованием депутатского статуса. Велась непрерывная пропаганда идей национализма, шовинизма, клерикализма, исламского фундаментализма, разжигались очаги общественной напряженности, активизировалось подстрекательство враждебных элементов к массовым протестам и действиям.

Сегодня можно безошибочно констатировать, что нашему противнику в результате «холодной войны» многое из его замыслов удалось реализовать в годы горбачевской перестройки.

Крючков отмечал, что надо действовать очень энергично, чтобы восстановить порядок, устранить причины, порождающие преступность, не допустить развала страны. В то же время правоохрательным органам в одиночестве решить это было невозможно. Заслуги сотрудников, отдавших себя защите советского строя, не позволяют гордиться ими только по одной причине: система защиты безопасности государства и общества была не способна удержать распад Советского Союза. Даже наши недруги признавали, что в СССР существовала очень сильная спецслужба – КГБ, но оттого, как он действовал и управлялся в последние годы, было ясно, что вынужденно погибнет вместе со страной. На то были и другие глубинные причины, которые обозначились из ошибок руководства и последствий августа 1991 года, изложенные, в частности, государственной комиссией Сергея Степашина.

Ровно 10 лет было отдано мною оперативной работе в 5-м управлении. Это были небываемые годы по напряженности, общественной опасности и сложности происходивших в стране процессов, вызванных националистическими проявлениями. Интересно было работать под руководством и вместе с Ф. Бобковым, И. Маркеловым, И. Абрамовым, В. Проскуриным, К. Махмеевым, К. Пястоловым, В. Шадриним, В. Струниным, В. Головиным, С. Лапиным и другими коллегами. Не менее памятливы для меня сотни коллег, которые работали в союзных республиках над проблемами национальных отношений, пресечением проявлений крайнего национализма и сепаратизма.

Какой главный вывод делаю для себя, проработав это десятилетие на фронтах «холодной войны»? Ответ на вопрос не прост. Я побывал по делам службы во всех союзных республиках кроме Таджикистана. Мне удалось увидеть масштабы и размах трудовых достижений СССР, страны, в которой я родился и где протекала большая часть моей жизни. В отличие от некоторых, переживаю за гибель советской империи, в которой я как гражданин никогда не чувствовал себя униженным, «жителем эксплуатируемой колонии», будь то в Казахстане или на Украине. Только через выстраданное и глубоко прочувствованное я понял величие русского, украинского, казахского и других народов, познал исключительную значимость настоящей братской дружбы между ними. Сегодня с глубокой тоской я вспоминаю благодатные примеры этого родственного чувства. И необыкновенная теплота разливается в моем сердце, ибо я счастлив, что через мою жизнь прошли судьбы многих достойных людей. Я познал настоящее товарищество, о котором писал Николай Гоголь в «Тарасе Бульбе». Думаю, что в этом познании и есть ответ на мой вопрос.

Мне повезло с направлением контрразведывательной работы. Для постороннего взгляда она казалась политическим сыском, бесполезной борьбой с инакомыслием. Это не так. Я видел в те годы не газетного, а реального врага – национализм, экстремизм, терроризм, сепаратизм на своей земле, которые разрушили СССР. Каждый день заполнялся напряженной работой, постоянными вызовами в горячие точки, что напоминало выезды врачей к больным людям. Только в опасности был не один человек, а вся наша страна. И она требовала заботы и лечения. Длительные командировки отнимали время от семейных забот, сына и внуков. У меня было мало возможностей сходить с женой в театр, посмотреть на красоты столицы, посидеть с

друзьями. Но меня утешает то, что моя работа, способности и труд моих коллег нужны были нашему обществу, государству для решения злободневных задач.

Это направление работы КГБ понимал Андропов, переживший трагедию будапештских революционных событий. Его помощник Виктор Шарапов, китаист, посол в Болгарии, отмечал, что Юрий Владимирович четко осознавал такую мысль: любой национализм – русский, украинский, казахский, киргизский, грузинский – представляет собой угрозу для единства многонационального государства. В своем понимании он исходил не из национального, а общеполитического подхода.

Эти первоочередные задачи значимы и сегодня. Не случайно Президент России Дмитрий Медведев обозначил необходимость «жесткого противодействия национализму и терроризму. Любая пропаганда сепаратизма, национальной и религиозной нетерпимости – вызов стабильности и единству нашего многонационального государства».

И в советское время были люди, которые понимали опасность, грозящую нам извне. Куратором 5-го управления КГБ СССР, которое решало тогда оперативные задачи по борьбе с идеологическими диверсиями и защите конституционных основ государства, был Виктор Михайлович Чебриков. В своем выступлении на XXVII съезде КПСС большое внимание он уделил идеологическим диверсиям, ведущимся против СССР. Тогда же он четко определил их цель: оказать враждебное влияние на умы и настроения советских людей, подорвать веру в коммунистические идеалы и повернуть их против социализма. Пора вспомнить мысль Чебрикова о том, что идеологические диверсии осуществляются в сфере политики и права, философии и религии, нравственности и морали, то есть там, где идет борьба идей. Современники должны помнить, что наше общество, русский и другие братские народы в последний период существования социалистического государства испытывали агрессивное насаждение идеологии националистической розни и эгоизма, настроений нигилизма, апологетику бездуховности и предательства.

К чему мы пришли сегодня – особенно ясно видно по нагло лгущему телевизионному экрану...

В 1984 году я был переведен на работу в секретариат КГБ СССР в непосредственное подчинение председателю КГБ Чебрикову.

Глава вторая

Депортируемые народы и их реабилитация

*...Известно давно: и металл устает.
А раны души обострились.
С того ль, что угнали в Сибирь мой народ,
С того ль, что не все возвратились.*

*С того ль, что терпели мы голода гнет,
А беды медведем ломились...
Но выдержал все мой отважный народ,
Врагам не сдаваясь на милость...*

Саид Чахкиев, народный писатель Ингушетии

В пределах компетенции органов госбезопасности мне пришлось заниматься национальными проблемами в СССР – этом уникальном по численности наций и народностей союзном государстве. Из приобретенного жизненного опыта я вынес глубокое убеждение, что любое государство в мире не может быть сильным, сплоченным и справедливым, если в нем коренные национальные интересы хотя бы одного народа будут ущемлены или основательно нарушены. Еще историк Карамзин подчеркивал, что народ – острое оружие и играть с ним опасно для общества.

Некоторые серьезные национальные проблемы в стране оставались неразрешенными до времен горбачевской перестройки, порождая межэтническую рознь, социальную напряженность, крайние формы антиобщественных проявлений. Актуально звучат слова В. И. Ленина о том, что «только громадная внимательность к интересам различных наций устраняет почву для конфликтов, устраняет взаимное недоверие, устраняет опасение каких-нибудь интриг...».

С ранней юности я не понаслышке знал, как в обыденной жизни складываются взаимоотношения между представителями разных народов. В интервью украинской газете я не скрывал своих взглядов. «Думаю, осложнение межнациональных отношений сегодня тревожит каждого честного советского человека. Кровавые столкновения, жертвы, беженцы... Все это не может не вызывать глубоких переживаний и серьезных раздумий. Необходимо понять, где, кем и когда были допущены основные ошибки в национальной политике. Вспоминаю послевоенные годы в Казахстане, где я жил и воспитывался вместе с эвакуированными с Украины сверстниками – украинцами и поляками, депортированными с исторических мест проживания советскими немцами и ингушами. И все мы, люди разных национальностей, делили нелегкую судьбу, хлеб, радость и слезы поровну. Выросший в трудовой семье, я рассматриваю любые попытки вбить клин между народами, разжечь огонь национальной вражды, искусственно противопоставить интересы одной нации другой как преступное поведение».

Говоря об огромной деятельности в советский период КГБ, других правоохранительных органов по достижению межнационального согласия, искоренению прошлых ошибок в национальном вопросе, нельзя оставить в стороне факты допущенных репрессий в отношении ряда народов и народностей, совершенных тоталитарным режимом. По некоторым данным, сталинские депортации затронули более трех миллионов советских граждан.

Об этой трагедии написано многое. Самое страшное и недопустимое заключалось в том, что изгнание народов с мест постоянного обитания проводилось по принципу общей национальной ответственности. Да, предатели должны были понести заслуженное наказание, но почему виновными делали все семьи, включая стариков, женщин и детей?

Я излагаю только те факты, с которыми сталкивался по служебным обязанностям. Их обнародование позволяет раскрыть позицию руководства КГБ в разрешении национальных проблем.

Что скрывать, общая ответственность, наказание и депортация народов в годы войны по этническому признаку были прерогативой не только СССР. История Второй мировой войны знает немало случаев депортаций в различных странах: изгнанию подверглись во Франции, Бельгии, Голландии не только граждане Германии, но и бежавшие оттуда ранее эмигранты, проживавшие в этих странах. Из Англии подобные категории людей были депортированы в Канаду. Через два месяца после начала войны с Японией президент США Франклин Делано Рузвельт подписал указ о выселении из западных штатов всех без исключения американских граждан японской национальности и размещении их в десяти концентрационных лагерях. Одновременно с депортацией более 120 тысяч этнических японцев, включая детей, женщин, стариков, из действующей армии США были уволены военнослужащие японского происхождения. Так что здесь американцы опередили советских союзников.

А сколько всего немцев было депортировано после войны в Германию? До сих пор цифры не уточнены. На сегодня их численность в Германии оценивается в 14 миллионов человек, в том числе из Польши было изгнано примерно пять миллионов, из Чехословакии – свыше трех миллионов, из СССР (Калининградская область) – более двух миллионов, из Румынии – 750 тысяч, из Венгрии – свыше 500 тысяч. Судьба многих из них была трагична. Вы знаете что-нибудь об их судьбах? Об их реабилитации? О возврате им имущества?

Кстати, в СССР были реабилитированы все народы, переселенные со своих мест. На сегодня только такие страны, как Словакия, Словения, Эстония, признали незаконность депортаций немцев со своих территорий.

Так что произошедшее в СССР не является чем-то необычным в долгой мировой истории. Впрочем, мы говорим об этом не в оправдание, а в целях недопустимости подобного в будущем. Поэтому вспоминаем о незаслуженных страданиях невинных людей разных национальностей.

В 1944 году, когда советские войска освободили страну от немецких захватчиков и вели праведную войну на территории европейских государств, оккупированных фашизмом, И. Сталин, Л. Берия, их приближенные принимают решение на уровне Государственного комитета обороны (ГКО) выселить крымских татар, чеченцев, ингушей, калмыков, балкарцев, турок-месхетинцев и людей других национальностей с родных мест проживания в отдаленные районы Сибири и Средней Азии, где они определялись под строгий режим так называемого спецпоселения. Спецпоселение – это, по существу, ссылка, несоблюдение элементарных гражданских прав, тяжелый принудительный труд, отсутствие жилья, в лучшем случае вырытая землянка, покрытая соломой или камышом, ежемесячные отметки в комендатурах, ограничение права передвижения даже в пределах своего района. Лишь спустя несколько лет после войны, в 1957 году, решениями Верховного совета СССР были восстановлены Калмыцкая, Чечено-Ингушская, Кабардино-Балкарская и Карачаево-Черкесская автономные республики и области. Выселенным народам предоставлялась возможность возвращения в родные места, но без права требования возврата утраченных имущества и жилья. Из мест спецпоселения возвращались (освобождались) также советские греки, курды, корейцы; они переезжали на свою малую родину, не получая от государства какой-либо материальной поддержки. Из-за сопротивления консервативной верхушки руководства страны в послевоенные годы не были окончательно решены проблемы восстановления гражданских прав и справедливости в отношении крымских татар, немцев и турок-месхетинцев.

Трагедия последствий войны заключалась в том, что земли депортированных народов были заселены жителями другой этнической и религиозной принадлежности, там родилось и обосновалось новое национальное поколение. При восстановлении во времена Хрущева

Чечено-Ингушской АССР прежние административные границы перекроили таким образом, что они стали затрагивать интересы части населения Дагестана,

Северной Осетии, Ставропольского края и становились объектом земельных территориальных притязаний, служить поводом для межнациональных столкновений, вплоть до наших дней. В таких условиях трудно добиться межнационального единства, особенно на Кавказе с традициями привязанности, почитания земли и могил предков.

Реабилитация репрессированных народов – немцев Республики Поволжья, крымских татар и турок-месхетинцев, выселенных в годы Отечественной войны по обвинениям в сотрудничестве с гитлеровскими фашистами, – в политическом и правовом отношении все же состоялась. С них сняли необоснованные обвинения в измене (фашистские захватчики не соприкасались ни с поволжскими немцами, ни с турками-месхетинцами), но существовавшие до войны автономные образования у немцев и крымских татар не были восстановлены, им не разрешалось возвращаться в родные места проживания.

Необходимое отступление

Немцы в СССР выселялись внутри страны в течение всей войны, начиная с июля 1941 года, из Украины (примерно 100 тысяч человек), Крыма (около 35 тысяч), Москвы и Московской области, других районов СССР. Наиболее значительная часть немцев была выселена из Республики немцев Поволжья (446 480 человек).

Процесс этот коснулся также военнослужащих немецкой национальности. Из армии и флота были демобилизованы тогда свыше 33 тысяч человек. Большая часть их была направлена в строительные батальоны так называемой трудовой армии.

Всего до конца 1941 года было выселено около 800 тысяч советских немцев. Однако процесс этот продолжался и дальше, в течение всей войны и даже после нее, когда выселение коснулось советских немцев, попавших в оккупацию и вывезенных в Европу. По самым скромным подсчетам, всего за 1941–1947 годы в Среднюю Азию и Сибирь было выселено свыше одного миллиона советских немцев.

Нерешенность проблем депортированных народов до перестроечных времен влекла за собой острые последствия: систематические межэтнические столкновения, народные сходы, коллективные ходатайства, массовые выступления и эмиграционные настроения. С приходом Андропова стало особенно заметно, что часть политических и идеологических проблем ЦК партийные власти на местах стали перекладывать на органы государственной безопасности. Последствия нерешенных вопросов в национальной политике, ведущаяся борьба силовыми методами с проявлениями национализма без устранения причин и условий, их порождающих, превратились во многом в заботу созданных пятых подразделений, легли на плечи сотрудников КГБ и МВД.

После восстановления автономий для депортированных народов Северного Кавказа и Калмыкии советские немцы настойчиво добивались от высших партийных и правительственных инстанций возможности вернуться к восстановлению прежней формы национальной государственности – бывшей Республики немцев Поволжья. Делегации от немецкого народа (в основном из коммунистов) рассматривали удовлетворение своих национальных требований как окончательную политическую реабилитацию, позволяющую устранить бытовавшее представление о советских немцах как пособниках фашистской Германии. Они, впрочем, просили немного: ликвидировать несправедливость и восстановить нарушенные гражданские права и существовавшую автономную республику. Руководство страны, казалось бы, понимало и разделяло национальные чаяния и запросы советских немцев; ведь общеизвестно, что отселение немцев из Республики Поволжья состоялось исключительно по национальному принципу, под оккупацией советские немцы не находились (кроме проживавших на Украине), а были моби-

лизованы в трудовые армии и работали на оборону страны. Но ответы властей делегациям советских немцев были однозначными: возвращение их в родные места потребует огромных экономических затрат, кроме того, без немецкого населения будут оголены разрабатываемые целинные земли в Казахстане.

Популярность идеи восстановления автономии в Поволжье среди немецкого населения была огромной. Постоянные приезды в Москву делегаций для посещения партийных инстанций

и настойчивые требования восстановить республику привели к тому, что на некоторых авторитетных лиц из автономистского движения был навешен ярлык радикальных националистов. Их перестали принимать в приемных ЦК и Верховного совета СССР, а наиболее настойчивых приказывали КГБ и МВД выдворять из столицы в принудительном порядке. Перед органами КГБ ставилась также задача любыми средствами влиять на авторитетов немецкого населения с целью ослабить автономистские настроения, вплоть до применения административных мер, снятия с поездов и недопущения посещения ими Москвы.

В 1970-е годы нереализованные автономистские настроения среди части немецкого населения стали перерастать в эмиграционные: значительно увеличилось число советских немцев, желающих покинуть СССР и выехать на историческую Родину в Западную Германию. В ФРГ на правительственном уровне при поддержке западных спецслужб это стремление поощрялось пропагандистскими кампаниями «счастливого рая» и предоставлением эмигрирующим из СССР немцам значительных материальных и иных льгот.

Во время одной из моих командировок в Германскую Демократическую Республику с немецкими коллегами обсуждалась возможность переключения эмиграционных потоков советских немцев на ГДР. Немецкие друзья во время переговоров высказывали свое недоумение, почему советские немцы покидают страну зрелого социализма и переселяются не в социалистическое государство ГДР, а рвутся в западный капитализм?

В мае 1979 года меня, тогда начальника отдела, пригласил помощник председателя КГБ СССР Павел Павлович Лаптев и сообщил о поручении Андропова подготовить для рассмотрения на Политбюро ЦК вопрос об образовании автономии для немцев на территории Казахстана. В течение трех дней мы с Лаптевым составили записку в ЦК КПСС о положении советских немцев в стране, в которой обосновали необходимость создания немецкой автономии как назревшей меры по окончательному решению вопроса восстановления прав депортированных в годы войны советских немцев, а также для устранения причин бытующих антиобщественных проявлений на почве как автономистских, так и эмиграционных процессов. Предлагалось образовать Немецкую автономную область, в которую включить территории нескольких районов Кокчетавской, Карагандинской, Павлодарской и Целиноградской областей со столицей в городе Ерментау. К материалам в Политбюро ЦК мы приложили географическую карту с компактными немецкими поселениями в этих районах. Из двухмиллионного немецкого населения страны больше половины в тот период проживало в Казахстане. В перспективе рассчитывали, что значительная их часть со временем переселится на жительство во вновь создаваемое автономное национальное образование.

Целесообразность восстановления национальной автономии для немецкого населения активно поддерживалась руководством КГБ СССР, прежде всего Андроповым, начальником 5-го управления Бобковым, тогда моим непосредственным руководителем.

31 мая 1979 года было принято постановление Политбюро ЦК КПСС «Об образовании Немецкой автономной области». Возвращая мне документы, Лаптев передал, что председатель КГБ СССР Андропов объявил нам обоим устную благодарность за оперативную подготовку материалов и просил внимательно проконтролировать выполнение решения ЦК по практическому образованию автономной области.

В Казахстане в этом направлении начали проводить подготовительную работу, формировались структуры партийной и исполнительной власти будущей автономной области. Обком партии нового автономного образования должен был возглавить А. Браун, немец по национальности, известный в республике партийный и хозяйственный руководитель.

В период обсуждения проблемы создания автономии у меня состоялась памятная встреча с членом Политбюро ЦК КПСС, первым секретарем ЦК Компартии Казахстана Динмухамедом Ахмедовичем Кунаевым. Бобков попросил срочно прибыть в Кремль и доложить Кунаеву все материалы, касающиеся образования немецкой автономии. Внимательно просмотрев записки в ЦК и другие документы по созданию автономной области, Кунаев остановил внимание на приложении – географической карте.

– Кто нарисовал такие административные границы для немецкой автономии? Валихановский район Кокчетавской области не должен входить в состав ее территории, здесь находится святыня казахов – могила Чокана Валиханова! Вы знаете, кто такой Валиханов? – спросил он у меня.

– Да, прекрасно знаю.

– А откуда это знание?

– Я родился в этих местах, в Кокчетавской области.

Мое признание оживило наш дальнейший официальный разговор. Кунаев взял авторучку и тут же на географической карте изменил границы намечаемой немецкой области, исключив Валихановский район. Из этого факта можно судить, что в разрешении национальных проблем мелочей не бывает. При подготовке документов в ЦК мы с Лаптевым не сумели обратить внимание на такую оказавшуюся важной историческую деталь.

В конце беседы Кунаев обратился ко мне: «Что ты здесь, в Москве, сидишь? Возвращайся домой, в Казахстан, у нас председатель КГБ республики уже в возрасте, заменишь его». Я ответил, что недавно работаю в центральном аппарате, молод, не имею достаточного профессионального опыта. Понимал, что такое приглашение с его стороны было не чем иным, как проявлением восточной вежливости и снисходительности к молодому человеку.

Бывает же, получасовая встреча с таким человеком запоминается в деталях. В последующие годы (даже не могу себе объяснить, почему) я часто проводил жизненные аналогии между личностями Кунаев – Щербицкий, десятилетиями умело руководившими крупнейшими союзными республиками, с которыми так или иначе была связана моя жизнь.

16 и 19 июля 1979 года неожиданно для всех в городе Целинограде (ныне Астана, столица Казахстана) были инспирированы многотысячные митинги казахского населения с участием ветеранов войны и труда, студенческой молодежи, протестовавших против образования немецкой автономии в Казахстане. Основной лозунг звучал так: «Нет автономии для немцев на казахской земле!»

Местные партийные и советские работники, боясь потерять занимаемые посты на отходящих к автономии землях, распространяли негативное отношение к учреждению немецкой области. Инспираторы этих акций из числа коренного населения крайне недружелюбно проявили себя к трудолюбивому немецкому населению, которое приняли в годы войны, с кем делили кров и хлеб, а затем поднимали миллионы гектаров целинных земель. В тяжелые годы войны русские, казахи, украинцы в Казахстане проявили яркие примеры дружбы и интернационализма, подобные я с детства видел и в нашем селе. Тогда проявлений вражды к высланным народам, шовинизма или национализма, даже на бытовом уровне, ни у одной нации не отмечалось.

Вопрос о создании немецкой автономии так и остался неразрешенным. Информация о целиноградских событиях, выполненные с мест проведения массовых демонстраций фотографии докладывались М. Сулову, второму секретарю ЦК КПСС. По его указанию реализация постановления Политбюро ЦК об образовании немецкой автономии в связи с публичными

выступлениями казахского населения была приостановлена. Л. И. Брежневу было решено не докладывать, чтобы не волновать Генерального секретаря ЦК сообщениями о националистических проявлениях в благополучном и многонациональном Казахстане, где он ранее руководил республиканской партийной организацией. Кстати, у Л. Брежнева и Г. Цинева в годы Великой Отечественной войны семьи нашли приют в Казахстане, где жили в эвакуации.

Нерешенность и невежество в межнациональных отношениях – это, по сути, подрыв и разрушение главных устоев любой государственности. Целиноградские события обнажили первые сигналы зарождающейся нездоровой тенденции: «Казахстан – для казахов» (хотя в рабочем классе республики казахов было всего 2 %), усилили бытующие высказывания о том, что казахстанская целина кормит всю страну. Подобные опасные явления проникнут в общественно-политический климат других союзных республик. Долгое время в стране создавалась видимость беспроблемности и благодушия в межнациональных отношениях.

В союзном масштабе в решении назревающих межнациональных отношений не существовало внятной национальной политики, должной системы и последовательности. Например, вышло постановление Политбюро ЦК КПСС, которое обвинило Казахстан в национализме, но вскоре было отменено.

По линии органов КГБ продолжалось внесение в ЦК предложений о целесообразности восстановления автономии для немцев в Поволжье, где республика существовала до войны. Кстати, в Саратовской и соседних с нею областях осваивались новые земли, требовались рабочие руки. Здесь уже присутствовала поддержка местными руководителями восстановления немецкой автономии, приезда немцев на жительство. Но в Политбюро ЦК на такие варианты не пошли даже в период демократических преобразований горбачевской перестройки.

Сотрудниками моего отдела прорабатывался вариант создания немецкой национальной автономии в Алтайском крае, где компактно в нескольких районах проживали советские немцы. Если бы были приняты рекомендации КГБ в высших инстанциях ЦК, то проблема немецкого населения в нашей стране не была бы такой болезненной, как в целом у других депортированных народов. В отделе оперативной работой по так называемой немецкой линии занимались майор А. Пышкин и лейтенант А. Кичихин, всего два сотрудника. При обсуждении оперативных задач не раз возникало обоснованное суждение: почему руководство СССР, оказывая огромную и всестороннюю помощь ГДР и другим странам социалистического лагеря, не может решить проблему ликвидации последствий войны и восстановления гражданских прав для советских граждан немецкой национальности? В звании подполковника А. Кичихин в горбачевское время вышел на Красную площадь с лозунгом поддержки национальных требований советских немцев, с протестом, почему не решается проблема восстановления справедливости в отношении немецкого населения. Скажу прямо, его поступок – невероятный и недопустимый для поведения сотрудника любой спецслужбы; но жаль, что такому примеру не последовал ни один аппаратчик ЦК или правительства, может быть, наша страна была другой.

Мой казахстанский земляк А. Браун, несостоявшийся лидер коммунистов при создании автономии, живет в ФРГ. В переданной мне книге «Целина» он отмечает, что вызванный в СССР в результате необдуманной перестройки хаос создал благоприятную почву для сведения счетов, решения силой давно назревших проблем в межнациональных отношениях. Все призывы и действия руководства, по мнению Брауна, были похожи на «метания загнанной стаи волков, окруженных красными флажками».

Одной из самых острых ситуаций до сих пор остается проблема крымских татар. Они стремились вернуться на жительство в Крым, сохранить и развивать свою национальную самобытность, язык и культуру. Из Крыма было выселено 230 тысяч человек, а требовали возвращения в родные места уже вдвое больше. Лидерами крымско-татарского движения выдвигались ультимативные требования о немедленном и массовом переселении из мест спецпоселения в Крым. Они прибегали к различным формам давления на власть с требованием восстановле-

ния существовавшей автономии в Крыму, проводили массовые митинги, создавали палаточные городки, объявляли групповые голодовки, совершали попытки самосожжения у Кремлевских стен. Организованное движение крымских татар возглавили молодые, энергичные люди, которые установили контакты с Западом и диссидентским движением в стране. При отсутствии положительных сдвигов в решении проблемы возникла естественная реакция: действия лидеров крымско-татарского движения стали принимать радикально-националистический и экстремистский характер.

Вынашивались планы создания самостоятельного для крымских татар автономного образования в Узбекистане. Остановились на варианте создания автономии в форме национально-территориального округа в Джизакской области, где к этому времени были открыты огромные запасы природных богатств. Секретарем обкома партии был назначен крымский татарин, перед которым стояли задачи привлекать на жительство в область крымско-татарское население, создавать условия для полноценной экономической и культурной жизни татар и таким образом сдерживать стремление массового переселения в Крым. Однако, как и в вопросе с автономией для советских немцев, в Узбекистане столкнулись с актами противодействия со стороны националистически настроенного коренного населения. Автономия для крымских татар в Узбекистане не состоялась, да и сами крымские татары неохотно шли на это. В декабре 1988 года на массовом митинге местного населения в Ташкенте прозвучали лозунги: «Русские, уезжайте в свою Россию, а крымские татары сами уберутся в Крым». В Андижане распространялись листовки: «Не уступайте русскому народу... Они забыли, что в тяжелые годы приехали без штанов».

Дискриминация крымских татар продолжалась и во времена горбачевской перестройки. Украинские власти препятствовали возвращению крымских татар, не разрешали регистрировать сделки по приобретению ими жилья, отказывали в трудоустройстве и прописке, принудительно выдворяли въехавшие семьи через Керченский пролив в Россию. В ответ возрастали массовые акции: самозахват пустующих земель, усиление мусульманского фактора. Экстремистские и радикальные круги крымских татар стали субсидироваться иностранным капиталом. Лидеры экстремистского крыла апеллировали к Западу, обращались за поддержкой в иностранные посольства. В поддержку возвращения крымских татар в Крым активно выступал академик Андрей Сахаров, справедливые требования поддерживала общественность. Можно себе представить сложность внутривнутриполитической обстановки в связи с этим в регионах, на местах.

Вспоминаю такой эпизод: совещание в ЦК КП Украины с вопросом об обстановке в Крыму проводил второй секретарь ЦК А. Титаренко. Он обвинил правоохранительные органы республики в попустительстве несанкционированным заездам крымских татар и в слабой работе по их принудительному удалению из Крыма. От органов КГБ и МВД требовали провести операцию по очередной ликвидации палаточного городка под Симферополем, где разместилось около двух тысяч крымских татар, требовавших разрешения прописки в Крыму. До этого несколько раз в принудительном порядке такие самочинные палаточные городки ликвидировались, а их обитатели выдворялись в Россию. Только в 1990 году в Крыму было 22 палаточных городка с постоянным пребыванием в них до трех тысяч человек. Министр внутренних дел И. Гладуш докладывал, что у него нет сил и средств для таких массовых депортаций, указывал на допустимое нарушение действующего законодательства по отношению к татарам.

Задача КГБ состояла в том, чтобы противодействовать антизаконным акциям экстремистских и националистических элементов. Многие процессы среди крымских татар возникали из-за неисполнения на местах принятых законов о реабилитации этого народа. Меры воздействия правоохранительных органов не останавливали (и не имели права останавливать) процесс возвращения крымских татар на родные земли.

Между мной и А. Титаренко произошел диалог, после которого я решил, что мне надо собирать домашний чемодан. В своем выступлении я говорил о том, что национальные проблемы крымских татар – это наследие сталинизма и последствия незаконного выселения народа в годы Великой Отечественной войны. Вопрос возвращения депортированного крымско-татарского населения на родные земли в связи с принятыми законами должны решать не люди в погонах – сотрудники КГБ и МВД, а советско-партийные инстанции. Образованная государственная комиссия по разрешению вопросов крымских татар во главе с А. Громыко бездействует, не ищет путей восстановления справедливости...

Титаренко резко оборвал меня:

– Кто Вам сказал, что крымские татары незаконно депортированы из Крыма, где они в войну сотрудничали с немцами?

– Это записано в решениях съездов КПСС и в нескольких реабилитационных указах Верховного совета СССР, которые не исполняются.

После этих моих слов Титаренко неожиданно заявил:

– Заседание секретариата ЦК объявляю закрытым.

Вопрос о судьбе крымских татар в те дни оставался действительно сложным. У многих на Украине в памяти были свежи факты предательства, службы крымских татар в вооруженных формированиях германского вермахта. Но, с другой стороны, не надо забывать о том, что в Красной армии служили десятки тысяч крымских татар, многие из них погибли. На спецпоселение в Средней Азии было определено около десяти тысяч советских солдат и офицеров из числа крымских татар, прошедших дорогами Великой Отечественной войны от звонка до звонка. Дважды Герой Советского Союза летчик Ахмет хан Султан остается в памяти среди достойнейших имен советских воинов.

Вернувшись на работу, я пригласил Подгайного, и ночью мы подготовили докладную записку на имя Щербицкого об осложнении обстановки среди крымско-татарского населения в республике и возможных мерах по ее оздоровлению. Подгайный знал хорошо проблемы межнациональных отношений в рамках всего Союза; с ним вместе в Москве мы работали во 2-м отделе. Среди предлагаемых нами мер были целесообразность создания в крымском облисполкоме специального отдела по рассмотрению обращений крымских татар, выделение для желающих земельных участков под индивидуальное строительство, организация переселяемыми крымскими татарами нескольких совхозов, проведение организованного набора рабочей силы на строительство крымского канала, прием молодежи в местные учебные заведения и т. д. На следующий день я позвонил Щербицкому и попросил принять меня. Состоялся трудный и длительный разговор.

– Владимир Васильевич, Вы знаете, как вчера проходило заседание в ЦК и слышали о моем выступлении?

В ответ молчание.

– Я подготовил докладную записку в ЦК по проблемам среди крымско-татарского населения в республике, но впервые за все время своей работы не подписал. Просил бы Вас ознакомиться с содержанием и посоветовать мне: подписывать или нет. Отсюда я буду делать личные выводы (я имел в виду, останусь ли работать в Киеве).

Сегодня могут показаться излишними приведенные мной подробности, но они свидетельствуют о политической сложности того времени, неоднозначности национальных проблем и подходов к ним, тем более что принципиального решения вопрос крымско-татарского населения в союзных инстанциях не находил. Надо признать, что требуемое от правоохранительных органов применение силовых действий в Крыму порождало возмущение крымско-татарского народа, митинговщину, экстремизм и открытую вражду к украинским властям. Допущенная в сталинское время несправедливость в отношении выселенных крымско-татар-

ских семей не исправлялась, а порождала в перестроечный период очередную волну несправедливости и беззакония.

Я не предвидел неожиданно резкой реакции на мое выступление. Второй секретарь КПУ А. Титаренко был влиятельной личностью, участник Отечественной войны, давний член Политбюро ЦК КПУ, организатор тяжелой промышленности в республике. По характеру был жестким, не всегда отличался объективным отношением к людям.

Разрешение неприятной для меня ситуации пришло от В. Щербицкого. Он основательно изучил записку и сказал: «Подписывай!» Одобрив предложенные меры, тут же начал давать указания Совету министров, звонить в Верховный совет. Далее добавил: «Может быть, послать на полгода в Крым секретаря ЦК Ельченко? Пусть на месте поработает и наведет порядок. Вот Горбачев отправил в Карабах своим представителем Аркадия Вольского. Почему не сделать такое нам?» В конце беседы (я уже чувствовал себя реабилитированным после выступления на совещании) В. Щербицкий посоветовал не обижаться на А. Титаренко: «Он у нас известный сталинист».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.